

ОЛЬГА ПОЛТАРАНИНА

СЛУЧАЙНОСТИ
НЕ СЛУЧАЙНЫ

СЕРИЯ:
ПОЗЫВНОЙ "ЛАСТОЧКА"

12+

Ольга Трифоновна Полтаранина

Случайности не случайны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42611314

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга «Случайности не случайны» открывает серию «Позывной «Ласточка» о судьбе семейной пары советских разведчиков-нелегалов. Охватывает период 1935-1959 гг. Виктор и Таисия были совсем юными, почти детьми, когда началась эта история, длиною в жизнь. Они встретились случайно и полюбили друга друга. Верили в счастливую звезду, и судьба соединила их. Бойцы невидимого фронта – разведчики-нелегалы, всегда на передовой. Вдали от Родины охраняют её рубежи. Их подвиги засекречены. Агентурные псевдонимы хранят тайну. В случае провала им грозит арест, допросы с применением насилия, казнь без огласки. Если повезёт – обмен. Они там, где их нет. Их нет, но они здесь.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Начало	9
До встречи с ним	9
Знакомство	14
Стратегия и тактика Элеоноры Викторовны	18
Здравствуй, новая жизнь!	22
Санитары	28
Театр	33
Перемены и расставание	37
Глава 2. Второй год	39
Дорога домой	39
Дома	43
Первое письмо	46
Учёба	51
Прикосновение к вечному	54
В добрый путь!	57
Витя приехал!	60
В деревне	65
Истопник	70
Сенокос	73
Продукт ректификации	75
Проводы	78
Глава 3. Фельдшер-акушер	80

События	80
Вечная невеста	83
Обычная совсем история	85
Много шума	90
Сватовство	95
Глава 4. Стажировка в Индии	98
«Братья на век...»	98
Тибет	100
Аксай-Чин	101
Натан Берnard	103
Национальное китайское шоссе номер 219	108
Неожиданное предложение	112
Географическая экспедиция	116
Гималаи	119
Восстание в Тибете	122
Осознанный выбор	126
Завод по сборке мотоциклов и мототехники	129
Глава 5. Почти как с Далай -ламой	131
Досье	131
Последнее письмо	134
Ильин день	135
Настоящая свадьба	139

Ольга Полтаранина

Случайности не случайны

Сюжет книги основан на исторических событиях.

Герои, их судьбы – художественный вымысел автора.

Совпадения с реальными людьми – случайность.

Пролог

«Без права на славу, во славу Державы» – девиз нелегальной разведки

Им, посвятившим жизнь беззаветному служению Отечеству, посвящается...»

В берёзовой роще в летний день много солнечного света. Шелестят листья. Стучит дятел.

Осенью воздух насыщен ароматом грибов и пряной листвы. Весной здесь поют птицы.

Таисия Ивановна Звонцова часто приходит на этот подмосковный погост, на могилу мужа, горячо любимого человека, с которым прожила 38 лет, до его кончины в 1998 году. На сером мраморе памятника высечены инициалы «В.В.З», годы жизни и надпись: «Без права на славу, во славу Державы» – девиз специального управления нелегальной разведки Советского Союза и России.

Бойцы невидимого фронта – разведчики-нелегалы всегда «на передовой – отстаивают интересы страны. Их решительные действия, добытая информация, тонко проведенные операции буквально меняли ход истории, позволяли защи-

тить наш народ от угроз, сохранить мир...»¹

Судьба разведчиков сурова. Жизнь – испытание на прочность. Их подвиги засекречены. Агентурные псевдонимы хранят тайну. Нелегалы десятилетиями находятся в чужих странах, служат Родине под чужими именами. В случае провала, им грозит арест, допросы, с применением насилия. Казнь без огласки. Родная страна им ничем не может помочь. Осуждённые, беззащитные, они могут надеяться только на обмен.

Вследствие предательства полковника ПГУ КГБ СССР Олега Гордиевского, разведчики-нелегалы – супруги Звонцовы оказались в опаснейшей ситуации за рубежом. Прошли семь кругов ада, но смогли вернуться в СССР. Продолжили успешно трудиться в центральном аппарате внешней разведки.

Виктор Витальевич Звонцов – полковник Службы внешней разведки. Награжден высшими правительственными наградами. Ушёл из жизни в возрасте шестидесяти двух лет.

Таисия Ивановна Звонцова – полковник Службы внешней разведки. Награждена высшими правительственными наградами. Оказывала действенную помощь мужу в разведывательной деятельности. С 2006 года Т.И. Звонцова – в отставке. Посвятила многие годы подготовке и воспитанию молодых сотрудников нелегальной разведки.

¹ Речь В.В. Путина, посвящённая 95 -летию нелегальной внешней разведки РФ.

... Виктор и Таисия были совсем юными, почти детьми, когда началась эта история, длиною в жизнь.

Глава 1. Начало

До встречи с ним

Тася родилась за шесть лет до войны, в семье староверов²-кержаков – Сергеевых, в селе Александровка, в Рудном Алтае.

Бабушка Пистимея рассказывала маленькой Тасе, что их предки прибыли сюда, на юг Сибири в 1762 году, по указу Императрицы Екатерины II. Высочайший рескрипт предписывал заселять пустующие окраины Российской империи старообрядцами, гонимых за старую веру. Земля, где степь встречается с лесом, а горы с реками, где на север простираются бескрайние просторы Западно-Сибирской равнины, а с горного хребта несёт свои воды река Уба к Иртышу, стала их новой Родиной.

Феодоровской иконой Божией Матери и восьмиконечным крестом в семье Сергеевых встречали каждого ребенка. Благословляли молодых. Провожали в последний путь усопших. Работящие, крепкие хозяйственники, они свято почитали царя и Отечество.

² Википедия: Кержакі – [этноконфессиональная группа русских](#). Представители старообрядчества. Носители культуры северорусского типа. Название происходит от названия реки [Керженец](#) в Нижегородской области.

Известие о свержении самодержавия и отречении государя от престола в 1917 году было встречено в Сибири с тревогой и надеждой. Последнего царя жалели. Страшились неизвестности и неразберихи, которые сулил насильственный захват власти.

Когда на единоличные подворья распространилась политика коллективизации, дед Таси сопротивляться ей не стал, и сыновьям не позволил. Сдал скотину в колхоз и стал колхозником. Но вписаться в новую жизнь не успел – умер. Через год угасла и ушла вслед за ним жена.

Отец Таси – Иван Аверьянович, человек трудолюбивый и прямодушный, активно участвовал в налаживании постреволюционной жизни в деревне.

Мать Таси – Агафья Емельяновна (Ганя) была мужу под стать: работающая и серьезная. Засватали её в шестнадцать лет и скоро в семье Сергеевых к шестерым мальчишкам, сыновьям старшего брата Аникея, добавились дети Ивана и Гани: дочь Таисия и сын Александр.

Тася любила отца. Они вместе ходили в лес за грибами, пекли картошку на костре. Отец брал дочь на рыбалку. Учил определять место поклёвки, делать прикормки, нанизывать наживку на крючок и «подсекать» рыбу.

Он подхватывал на руки маленькую Тасю, поднимал «под самые небеса» и восторженно кричал: «Ты моя Ласточка! Лети выше и выше!» Дочь, распахнув ручонки, и, в правду, представляла себя птицей, легкой и стремительной.

Пришла война... С первыми эшелонами, отец ушёл на фронт и погиб в первые дни войны.

Ганя с детьми переехала жить к матери.

Кроме них, бабушка Пистимея приютила у себя в доме двух осиротевших внучек: Раю и Наташу.

Таська, Сашка, Райка и Наташка – весёлый квартет малышни – непоседливый, вечно бегающий и прыгающий. Друзей полным-полно, целая деревня ребятни. Грустить некогда, хоть и война. Да и как могло быть иначе? Дети не должны горевать! Но и баловать им особенно не давали. В сибирских сёлах, того времени, дети работали в огороде.

Старая изба Пистимеи из-за веранды, *связывающую* жилую часть дома с улицей, получила прозвище – Связь. Зимой неотапливаемое помещение служило кладовой и сенями. Летом на веранде ставили стол с самоваром и пили чай.

От Связи косогором тянулся огород. Сквозь картофельное поле вилась тропинка до речки Маралихи. Тася, иногда, любила посидеть здесь с удочкой. Вспомнить отца. Послушать, как перекатываются камушки на шивере³. Поглядеть, как с обрывистого берега взмывают ввысь ласточки.

С хорошим уловом она бежала домой с радостью. Тогда ей прощалось и долгое отсутствие, и неподобающее занятие

³ Мелководный (глубина до 1,5 – 2 м) участок реки с беспорядочно расположенными в русле подводными и выступающими из воды камнями и быстрым течением.

для девушки – рыбная ловля.

Жителям Связи в войну жилось, как и всем, тяжело. Школьные тетради делали из старых выцветших газет. Чернила варили из сажи, добавляя её в свекольный сок. Ганя работала санитаркой в больнице. Бабушка Пистимея занималась домашним хозяйством и приглядывала за детьми.

Помогать им было некому. Ближайшие родственники – Сергеевы тоже осиротели. Глава семейства погиб на фронте. Его вдова – тётя Дуня проводила на войну трёх старших сыновей, а младшие остались с ней. Одному из них – Трифону было 12 лет. Он оставил школу и пошёл работать в колхоз, чтобы помогать матери.

В 1952 году Тася и Наташа окончили 10 классов и мечтали о профессии врача. Ближайшее медицинское училище находилось в областном центре, в городе Усть-Каменогорске, в 150 километрах от Александровки. Пистимея и Ганя долго ломали голову, как на их скромный доход учить двоих девушек одновременно. Считали, концы с концами не сходились, но, всё-таки, решили отправить в училище обеих.

Про институт бабушка так сказала внучкам: «Посмотрим на ваше старание и умение... дальше видно будет».

На том и остановились.

...В долгожданный день отъезда, как из ведра, хлестал ли-

вень. Грязи по колено.

Мама и бабушка наревелись с вечера, собирая сестёр в дорогу. На проводы пришли все родственники и соседи. Бабушка Пистимея, в контексте торжества момента, произнесла напутственную речь: «Ну, девоньки, учитесь хорошо, да, смотрите, не балуйте... помните, что ждем вас назад учеными – будете нас лечить...» Провожающие утерли слезы. Погрузили нехитрый скарб в телегу и благословили девушек в дорогу.

На железнодорожной станции, в селе Предгорном, где поезда останавливались на одну минуту, было пасмурно и уныло.

Пол дня ехали в общем прицепном вагоне, и вот, свершилось! Прибыли к месту назначения.

Знакомство

Шумная привокзальная площадь. Дымок уходящего поезда. Праздная публика. Непривычная суета, новые впечатления, беспрестанно снующие люди вскружили голову будущим абитуриенткам краевого медицинского училища. Красиво, модно, по-городскому одеты люди: мужчины в светлых брюках и штиблетах, дети в белых панамах, женщины в шляпах, лёгких крепдешиновых платьях, босоножках и туфлях.

На перроне узловой станции «Защита», в полной растерянности, стояли две деревенские девушки: Наташа, за высокий рост, окрещённая каланчой и миниатюрная Тася.

Сёстры перевели дух, огляделись по сторонам и направились к автобусной остановке, где в ожидании автобуса, собралось много людей.

Разновеликая парочка вызывала у всех улыбку: одинаковые ситцевые платья в горошек, косы, заплетённые «корзинкой», были ещё ничего, но калоши на ногах девушек, блестящие лакированной новизной, никак не вписывались в городской колорит! Облик жителей сельской глубинки подчёркивали холщовые котомки, старый армейский чемодан и стопки книг, перетянутых бечёвкой.

Надо сказать, что туфли у сестёр имелись. Правда, одна пара на двоих. Но зато какие! Красные, на каблуках, челя-

бинской фабрики «Юничел»⁴. Агафья Емельяновна приобрела их год назад на ярмарке райпотребсоюза⁵. Девчонки берегли их, как зеницу ока: носили по очереди и только «на выход».

Туфли были прочно связаны шнурком, переброшенным у Таши через плечо.

После летнего отдыха на станцию «Защита» прибыл руководитель областного управления КГБ Виталий Андреевич Звонцов, с семьёй. Его персональный водитель Коля Лавочкин укладывал чемоданы в багажник. Звонцовы повстречали знакомых, разговаривали, делились впечатлениями. Их сын, Виктор, ученик десятого класса, во все глаза, рассматривал миниатюрную статуэтку в блестящих калошах.

В это время верткий подросток подбежал к ней, сорвал у неё с плеча шнурок с «юничелами» и, со всех ног, кинулся наутек. Каланча, изо всех сил, закричала: «Держи вора!». Статуэтка бросилась за ним вдогонку.

На крик отозвался милиционер, засвистел в свисток, и тоже ударился в погоню.

В отличие от грузного стража порядка, Тася хорошо бежала, но воришка был значительно проворнее. Плакали бы «юничелы», если бы шустрик не попал в цепкие руки Виктора, который оказался быстрее всех – он догнал и схватил

⁴ Крупнейший производитель обуви в Советском Союзе

⁵ районный [союз](#) потребительских обществ – предприятие советской торговли

пакостника за шкуру.

Прибежала Тася, в одной калоше, вторую, в ходе преследования, потеряла.

– Ваши туфли... в целости и сохранности! – воскликнул Виктор, обращаясь к ней.

Глаза юноши искрились. На лице сияла улыбка.

– Виктор, – представился он.

– Тася, – произнесла она, – Спасибо за туфли!

– Не стоит благодарности, я с удовольствием, размялся, после поезда! – ответил Виктор.

Взмыленный от жары и бешеной гонки доковылял милиционер. Отдышался и начал диалог с задержанным. Подошли родители Виктора. Добралась с вещами Наташа. «Курортные» – подумала она, глядя на солидного мужчину и даму в красивом платье.

– Виталий Андреевич, Элеонора Викторовна! – представил себя и жену «курортный».

Милиционер увёл воришку.

Предмет дальнейшей беседы иссяк – пора расходиться. Но Витя и Тася продолжали смотреть друг на друга. Повисла неловкая пауза. Прервал её Виталий Андреевич:

– Куда путь держим, барышни?

– На Профсоюзную улицу, к дочери нашей соседки, Татьяны Ерофеевны. Мы остановимся у неё, пока нам в общезжитии места не дадут, – многословно пояснила Наташа.

– В институт приехали поступать? – с интересом спросил

собеседник, наблюдая за сыном.

– В медицинское училище, – уточнила Наташа.

– Я провожу девушек на Профсоюзную улицу, – неожиданно для всех, не отрывая взгляда от новой знакомой, сообщил Виктор.

После короткого замешательства, пытаясь облегчить участь сына, Виталий Андреевич предложил:

– Может быть, такси?

– Нет-нет, спасибо, – очнулась от магии карих глаз Тася. – Мы доберемся сами, на автобусе. Провожать нас не нужно. И без того мы вас задержали!

– Не обижайте меня, милые барышни! Я хочу и имею возможность отправить вас на автомобиле, чтобы вы спокойно добрались до места назначения. Надеюсь, что приключений на сегодня достаточно? – перевел в шутку разговор Виталий Андреевич.

Через минуту пассажиры, направляющиеся на Профсоюзную улицу, улыбались из салона такси. Виктор галантно предложил Наташе место на переднем сидении, а сам разместился рядом с Тасей, позади водителя.

– Счастливого пути, девочки! Удачи на экзаменах! – попрощалась Элеонора Викторовна и обратилась к сыну:

– А вас, молодой человек, мы ждем через час дома!

Стратегия и тактика Элеоноры Викторовны

В машине, по дороге домой, Коля Лавочкин ляпнул, что «наш Витка, кажется, влюбился». Слова повисли в воздухе и отклика у пассажиров не нашли. Шофёр понял, что сказал что-то не то и примолк.

Элеонору Викторовну слово «влюбился», применительно к сыну, чрезвычайно расстроило: «это» ей не показалось, «это» было заметно всем. Женщина недовольно вздохнула, но взяла себя в руки и улыбнулась мужу.

Виктор приехал домой. Звонцовы сели ужинать. Всё было, как всегда. О происшествии на вокзале никто не вспомнил.

Элеонора Викторовна была родом из семьи военных. Её дед и отец считали, что для женщин существует единственное предназначение – ведение домашнего хозяйства. Воспитание она получила соответствующее. Семнадцать лет благополучного брака отточили навыки хозяйки до совершенства. В доме у Звонцовых царил идеальный порядок. Каждая вещь имела строго отведённое место. На кухне домочадцев ожидал вкусный обед. Семейная жизнь протекала по тщательно продуманному плану.

Жизнь среди военных выковала в Элеоноре Викторовне

железную дисциплину и армейскую хватку. Она выстраивала домашние дела с мастерством академического офицера. Если командование в семье возлагалось на мужа, то штаб дислоцировался, исключительно, в голове жены.

Обучение сына – один из важнейших стратегических вопросов. Тактический план «сделать из сына дипломата» был давно разработан, согласован и претворялся в жизнь под неусыпным контролем матери. Женитьба Виктора, в ближайшие годы, в него не входила. Элеонора Викторовна планировала сама заняться выбором спутницы жизни для сына, после того как он окончит институт.

Реализация плана шла, до сих пор, как «по маслу». Виктор учился на «отлично», углублённо изучал английский язык, занимался спортом и собирался продолжить учебу в Москве.

Происшествие на вокзале заставило серьёзно понервничать Элеонору Викторовну. Она ждала момента, чтобы в спокойной обстановке объяснить единственному чаду, что малограмотные девушки ему совершенно ни к чему.

Утро следующего дня началось с неожиданных вещей. Сын собирался куда-то идти.

– Мам, могу я угостить бутербродами Тасю с Наташей? – огорошил вопросом Виктор.

Элеонора Викторовна почувствовала, что всё пошло не так, как хотелось. Эффект неожиданности не позволил ей

вовремя перегруппироваться. Пришлось прибегнуть к атаке и «надавить» на чувство долга:

– Ты что снова собираешься на Профсоюзную улицу? У тебя же сегодня репетитор!

– Мам! Я встречу девушек в приемной комиссии училища! К репетитору я успею! Это же после обеда! – заявил сын и чмокнул мать в щеку.

Завернул в газету три бутерброда с докторской колбасой и направился к входной двери.

Атака Элеоноры Викторовны была отбита. Хуже всего, что Виктор заявил об этих девушках так, как будто они давно были вписаны в его расписание.

– Давай я тебя подброшу, все равно мимо еду! – последовал фронтальный выход мужа, украдкой подмигнувшего жене.

– Поехали! – согласился сын.

Через полчаса, сидя в служебном автомобиле, на улице академика Земского, Виталий Андреевич наблюдал следующую картину: Виктор вихрем «взлетел» на крыльцо учебного корпуса медицинского училища к вчерашней девушке, в красных туфлях.

«Вот это поворот, – думал Виталий Андреевич, – насколько серьёзно у него увлечение этой особой?»

От дальнейших рассуждений его отвлек Коля Лавочкин. Шофёр принялся рассказывать о последних новостях в управлении, произошедших за время отпуска начальника.

«Юношеское увлечение. Пройдет само собой...» – решил Виталий Андреевич и мысли о сыне отошли на второй план.

Здравствуй, новая жизнь!

Между тем, Тася и Наташа, в сопровождении нового знакомого, направились в приемную комиссию.

Женщина в белом халате, взглянув в их аттестаты, похвалила за хорошие оценки. Спросила, почему с такими баллами они не идут в медицинский институт. Тася ответила, что они собираются получать высшее образование, как только представится такая возможность.

Разобравшись с ними, женщина, глядя поверх очков, обратилась к юноше:

– Ну- с, молодой человек, извольте представить Ваши документы.

– Чьи? – удивленно переспросил Виктор.

– Ваши! Вы же следующий? – нервно продолжила она.

– Да что, Вы, сударыня! Я жених этой прекрасной леди и здесь сопровождаю её! – улыбаясь, объяснил свое пребывание в очереди молодой человек.

– Проходите вперед, жених, не задерживайте! – потеряла интерес к нему женщина, переключившись на следующего абитуриента.

Формальности в училище были улажены. Ребята отыскали свободную скамейку в парке и, за милую душу, уплетали бутерброды с газированной водой из автомата. Смеялись. Вспоминали вчерашний день, незадачливого воришку и по-

терянную калошу.

Виктор проводил девушек на Профсоюзную улицу. Наташа прошла вперёд. Он остановил Тасю около калитки. Они остались одни... Стояли и смотрели друг на друга. Взгляд карих глаз растворился в безбрежном океане синих. Прошла минута, вторая.

– Витя, ты завтра не приходи... Послезавтра мы с Наташкой сдаем биологию. Нужно к экзамену готовиться, – прервала тишину Тася.

– Тася, я лучший в мире биолог! Ты этого не знаешь? Сообщаю: никто не проверит твои знаний, лучше меня! – пошутил Виктор и сообщил:

– Я приду завтра, ближе к вечеру. Пойдём на экскурсию! Буду показывать тебе город!

Сопrotивляться было бесполезно. Да и не хотелось. Предложение «жениха» совпадало с настроением «невесты».

Вечером Наташа завела разговор:

– Виктор – хороший парень. Смелый. У нас в деревне, юноша не решился бы назваться женихом на второй день знакомства, без сватовства и согласия родителей.

– Представиться женихом посторонним людям не велика отвага, – ответила Тася, – можно величаться кем хочешь, зная, что спросу не будет... Уж очень молод! В школе ему ещё целый год учиться, а потом в институте пять лет! Это

когда из него муж получится? Лет этак через шесть, а то и семь... Нам с тобой в «девках» засиживаться нельзя. В семье одни женщины. Сколько можно у мамы и бабушки на шее сидеть? Нужно находить нормальных мужей и создавать семьи.

Тасе виделась пропасть, разделяющая её и Виктора. Молодой человек из состоятельной семьи. Его будущее predetermined: окончит школу, институт, пойдёт работать. О ней, о бесприданнице и думать забудет!

«Хоть бы окончить училище денег хватило, не говоря про большее!» – с горечью думала Тася, но в душе чувствовала смятение. В сотый раз она спрашивала себя: «Как же так произошло, что всего за два дня, совершенно посторонний человек стал для меня самым главным в жизни? Может быть, всё это блажь, выдумка?... Вместо того, чтобы готовиться к экзамену, я думаю об этом мальчишке... школьнике!»

Но чем больше она корила себя за легкомыслие, тем явственнее виделись ей карие, с рыжей искоркой глаза, и бесконечно добрая улыбка нового знакомого. Тася представила себе, что Витя взял и исчез из её жизни. Как молния, пронеслась злая мысль: «А если он не придёт, и я больше никогда его не увижу?!» Сердце остановилось... замерло в груди... и снова пошло: «Придет!»

Он пришел и завтра, и послезавтра. Они виделись каждый день.

Тася и Наташа сдали экзамены и были зачислены в медицинское училище. Ко всем плюсам, неожиданно, прибавился ещё один: общежитие находилось в военном городке, где проживала семья Звонцовых. Путь Виктора к Таисии значительно укоротился, а встречи, непременно бы удлинились, если бы не одно обстоятельство... Девушки устроились вольнонаемными служащими в военный госпиталь. Поделили ставку санитаря пополам.

Стипендию в медицинском училище обещали выплатить только через месяц. Сидеть и ждать начала учебного года, «сложив руки», сестры не могли – денег не было. Вариант возвращения домой, чтобы забрать у родных последние копейки, вообще, не рассматривался.

Трудоустройство давало источник дохода, совмещалось с учебой и позволяло выжить. Кроме заработка, пусть и не большого, полагалось бесплатное питание и военное обмундирование.

Все эти доводы Тася привела Виктору. Сказала, что работа санитарки для неё – дело привычное. Она с детства помогала матери: мыла пол, ухаживала за больными.

Витя был огорчен и смущён. Если он в чём-то нуждался, достаточно было просто попросить родителей. Он впервые почувствовал, что в жизни может быть и по-другому. Стало стыдно, что он, здоровый крепкий парень ходит в школу, спортивную секцию, к репетитору, а эти девочки вынуждены трудиться, чтобы продолжить учёбу.

– Я буду помогать тебе в госпитале, – объявил Виктор.

– Об этом не может быть речи! Тебе нужно готовиться к выпускным экзаменам! – возразила Тася.

Но её слова не возымели эффекта. Тогда она произнесла:

– Я не хочу, чтобы ты из-за работы завалил учёбу! Витя!

Ты должен получить высшее образование, чтобы обеспечить достойное будущее нашей семьи!

– Тася! – воскликнул Виктор, – Ты согласна быть моей женой и ждать меня?

– Да! – ответила она, – Только без всяких глупостей!

Вечером в доме Звонцовых состоялся разговор. Виктор сообщил, что сделал Тасе предложение – быть его женой. Она согласна ждать шесть лет. Сказал, что всё будет, как и раньше, с той разницей, что в их жизни теперь появилась Тася. Он, вместе со своей невестой, собирается работать в госпитале санитаром, чтобы помочь ей получить профессию.

Виталий Андреевич и Элеонора Викторовна молча слушали. После того, как сын высказался, отец произнёс: «Не вижу ничего дурного в том, что ты сказал, сын. Это твоя жизнь. Как её построишь, так и будешь жить. Шесть лет – достойный срок для проверки чувств!»

Мать была озадачена.

«Виктор не просил совет, сразу объявил о своем решении... значит, разубеждать – бесполезно, по крайней мере, в этот момент..., но впереди – шесть лет. За эти годы много

воды утечет», – подумала мудрая женщина и не проронила ни слова.

Санитары

Каково было удивление медицинского персонала военного госпиталя, когда, вместе с санитаркой Сергеевой Т.И. на службу пришел сын начальника областного управления КГБ!

Об инциденте немедленно доложили руководителю гарнизона – Уколову Д.М., который тут же позвонил полковнику Звонцову В.А.

Оказалось, что начальник был в курсе произошедшего. Попросил, чтобы особых условий для сына не создавали: «Пусть работает, как все!»

Тася и Витя приступили к обязанностям санитаров. Мыли пол и стены. Выносили «утки» за тяжелобольными, «крутили» ваты в тампоны, закладывали инструменты в стерилизатор.

Хирургическое отделение состояло из операционной, пяти палат, кабинета заведующего, ординаторской и двух туалетов. Работы много. Труд этот, был не такой примитивный, как представлялся Виктору в начале, и требовал знаний и опыта. Например, приготовление моющих и дезинфицирующих средств, умение отличать опасные эпидемиологические отходы. Особая сноровка и навык понадобились во время переноса и смены белья у лежачих.

Первое время у Вити голова шла кругом от непривычно тяжёлого труда, потом втянулся. Но как бы ни старался, поспеть за Тасей не мог. Она как ласточка, легкая и стремительная, всё делала быстро, умело, и без тени брезгливости, чем немало удивляла Витю.

Однажды пожилой фронтовик, офицер, за которым они ухаживали, сказал: «Смотрю на вас, ребята, и жить хочется!»

Родители Виктора с тоской наблюдали за сыном. После занятий в школе вместо того, чтобы пойти на каток, в кино, или почитать книгу, он бежал в госпиталь, «мыть горшки», как с раздражением думала Элеонора Викторовна. Потом пулей летел домой. Готовился к урокам и к занятиям с репетитором.

Виталий Андреевич как-то предложил сыну деньги:

– На! Это тебе на кино!

Виктор отказался:

– Пап, спасибо! Как только получим с Тасей зарплату, обязательно *сходим* в кино или в театр.

– Сын, мы твои родители и обязаны заботиться о тебе! – не выдержал отец, – Я настаиваю, чтобы ты больше отдыхал и бывал на свежем воздухе! Гармонично развивался и не тратил попусту время в больнице!

– Папа! Я ваш сын, а Тася вам кто?.. – спросил Виктор.

Выдержал паузу, недоумённый взгляд отца и продолжил, –

– Правильно! Никто! Она это понимает и не хочет, чтобы вы на неё тратились. Она не держит меня в госпитале... и, вообще, не держит! Как вы этого с мамой не понимаете? Тася – мой выбор. Мне без неё ничто НЕ ИН -ТЕ -РЕС-НО!

Отец замолчал и больше эту тему не поднимал. Зато много раз ловил беспокойный взгляд жены, провожающей единственного сына – будущего дипломата на очередную вахту санитаря. Элеонора Викторовна эту новую стезю не одобряла и кроме как «безумием» не называла, но вынуждена была молчать, если рядом был Виктор.

Один месяц сменял другой. Мать видела, что, вопреки ожиданиям, сын всё больше втягивается в общение с этой «жуткой деревенщиной». Психовала, что Виктор стал мыслить категорией исключительного «мы», применительно к себе и к Тасе.

Однажды в полном отчаянии, женщина расплакалась и «вспылила» мужу:

– Виталий! Это наша походная жизнь толкнула Витю на нелепую привязанность к первой попавшейся девушке! Бесконечные переезды, смена места жительства не дали возможность ему обзавестись настоящими друзьями! В этой простушке он обрел товарища – это то, чего всегда ему не хватало! Разве *такая* девушка должна быть рядом с нашим Витенькой? Она не то, что на английском, она на русском языке говорит так, что не разберёшь! Волосы встают дыбом: «Шиб-

ко, али, чё ли, сенцы – ужас!» – рыдала она.

Виталию Андреевичу вся эта эпопея с невестой Виктора тоже порядком надоела. Раздосадованный не столько слезами, сколько упреками жены, он, попытался её успокоить, но увидел, что это бесполезно и тогда накричал на неё:

– Ты чего нюни распустила? Что страшного произошло? Кто-то умер, или заболел? Может быть война, или народные бедствия?.. Парень учится на «отлично», работает, деньги зарабатывает! Девушка – хорошая! Неужели ты этого не видишь? А недостаток образования, в конце концов, можно устранить! Вот и придумай, как это сделать... Ты по этой части мастерица... Направь свою энергию в мирное русло, чем слёзы лить! Душа моя!

Тася, в силу молодости, не догадывалась о масштабе драмы вокруг её персоны, как ураган ворвавшейся в жизнь Звонцовых. Не представляла, что до такой степени не вписывается в идеал девушки, а тем более жены, для их уникального сына.

Учеба у неё шла, как «по маслу». Химия и биология были любимыми предметами. В общежитии всё тоже было легко: не надо воду носить, помои выносить, печку топить, снег откидывать. Центральное отопление и канализация! Газ на общей кухне! Душ в коридоре! Красота! Работа санитаркой – дело привычное.

Но самым главным стимулом в жизни, тем, кто придавал

чувство радости от всего вокруг, был Виктор. Друг. Горячо любимый человек. Это первое время, она сомневалась в нём. День за днём, их интересы каким-то непостижимым образом переплелись и сконцентрировались в коротком слове: «МЫ». Она отмечала ум и обходительность Виктора. Несмотря на юный возраст, он мог расположить к себе любого. Тася наблюдала, как Витя беседует с людьми: дворником, врачом, начальником госпиталя – со всеми уважительно и по делу. С трепетом принимала нежные взгляды, робкие, почти детские поцелуи и заботу, которой он её окружил.

В сентябре Тася с Витей получили первую зарплату, стипендию и отложили деньги на «культурные мероприятия».

Жизнерадостная музыкальная комедия «Учитель танцев» понравилась обоим. Всю дорогу они весело напевали песенку главного героя – Альдемара: «Только тот достигнет цели, кто не знает слова «страх».

Театр

В конце ноября важным событием для Таси стало приглашение Звонцовых на премьеру местного драматического театра «На всякого мудреца довольно простоты» по пьесе А.Н. Островского.

Витя рассказал, что уже они видели этот спектакль в Москве.

Тася удивилась про себя: «Зачем же снова идти, коли, раньше смотрели?» Вслух спросить постеснялась. «Видно шибко понравилось представление, что решили на него ишшо раз растратиться...» – подумала она. Возможности побывать в театре и встретиться с родителями Виктора – обрадовалась.

Вечером, перед походом в театр, в комнате общежития медицинского училища, соседки по комнате «ломали головы», решая важнейший вопрос: «Во что нарядить Таську?»

Они искренне хотели помочь подруге. Но, к сожалению, всё, что девушки могли предложить из своих скудных гардеробов, было велико, мало, или к сезону не подходило. Положение усугублялось тем, что никто из них не был в театре и понятия не имел, тепло ли в нём, и можно ли будет сменить валенки на туфли.

Перед школьным вечером, к примеру, в деревне, вален-

ки можно было поменять прямо в классе. Но там все свои... «А тут никто никого не знает... Как разобрать, чьи пимы, коль народу набьется уйма, и все переобуются? Где потом искать пропажу?» – Тасю обуревало страшное предположение – остаться в зиму босиком. Среди студентов, как назло, не нашли никого, кто бы мог толком рассказать про тамошние порядки.

Обратились к Татьяне Кузьминичне.

Скучающая на вахте женщина, не без удовольствия, вникла в суть проблемы. Взору почтительной дамы предстали нищенские пожитки «театралки»: платье в горошек, красные туфли, коричневая юбка-джерси, свитер, валенки и фуфайка с шалью.

«Это всё не то», – вынесла жесткий приговор вахтёр. Задумалась и просияла: «Надевай-ка свою военную форму, девица, и голову не морочь!»

На следующий день, Витя зашел за Тасей в общежитие.

Через полчаса, в сверкающем фойе местного драматического театра молодые люди встретились с родителями. В полном составе Звонцовых Тася видела только один раз – тогда, на железнодорожном вокзале.

Тася была в солдатской форме и кирзовых сапогах.

Виктор – в элегантном темном костюме, белой рубашке с галстуком.

Виталий Андреевич – в открытом двубортном кителе

темно-зеленого цвета, с погонями, на которых блистали по три золотые звезды. В углах воротника сияла эмблема рода войск, обрамленная лавровым венком из позолоченной латуни. Завершали образ бравого полковника – белоснежная рубашка с галстуком и хромовые сапоги, начищенные до блеска.

Под стать ему – благоухающая шикарная Элеонора Викторовна – в платье с меховым манто, туфлях на высоком каблуке, черных перчатках до локтя и крохотной бархатной сумочкой.

На фоне этакого великолепия, Тася, в солдатской форме, почувствовала себя уничтоженной. Ей захотелось провалиться сквозь землю и немедленно вернуться в свой мир. Исчезнуть. Убежать, как тогда, в погоне за туфлями. Щёки предательски вспыхнули и защипало в носу. Слезы вот-вот готовы были хлынуть из глаз. Этого допустить было никак нельзя!

Положение спас Виталий Андреевич. Он улыбнулся, обнял Тасю за плечи, и, по-отечески, подбодрил:

– Тася, Вы выглядите восхитительно и форма Вам к лицу!

После короткой паузы, пророчески добавил:

– Доживёте до моих лет, такие же звезды на погонах будете носить!

Все рассмеялись и пошли в зал.

Элеонора Викторовна украдкой рассматривала невесту сына. Отметила, что девушка хороша собой: статная, сине-

глазая блондинка, с осиной талией. Густые светлые волосы туго затянуты в косы. Непослушные завитки выбивались из-под пилотки и красиво обрамляли лицо. Высокий бюст под гимнастеркой.

«Может быть, мне, действительно, взяться за неё?» – подумала Элеонора Викторовна.

В зале погас свет. Открылся занавес и открыл деревенской девушке новый мир – неведомый и прекрасный! Краски и декорации. Звуки музыки и восторг ощущений! Актёры, вместе со своими героями, вовлекали зрителей в круговорот страстей, происшествий и событий. Заставляли плакать и смеяться, волноваться и переживать!

Перевоплощение и притворство, маскарад и представление в тот зимний вечер, казались Тасе непостижимыми и таинственными...

Пройдёт время, и она в совершенстве освоит искусство лицедейства. Нет, не для сцены! Для разведчика-нелегала игра, не ведающая антрактов и репетиций – служба, цена которой – жизнь.

Перемены и расставание

На следующий день Звонцовы обсуждали возможность повышения образовательного уровня невесты Виктора. Было решено выделить из семейного бюджета деньги на обучение девушки английскому языку и эстетики общения. Дело оставалось за малым: преподнести это девушке таким образом, чтобы она не обиделась. Но это малое оказалось, действительно, малым, потому что она сразу согласилась.

Тася выросла среди добрых любящих людей, в крестьянской обстановке, в которой здоровье, труд и вера почитались основными в жизни. Всей душой она любила свою семью и дом, чистые реки, высокие горы, необъятные поля... Преподаватель эстетики Маргарита Петровна Щербицкая открыла для своей ученицы другие составляющие прекрасного: искусство, музыку, театр; гармонию в отношениях, поведении, одежде; красоту речи...

Изучать английский язык начали с «чистого листа». Ученица оказалась способной и занималась с желанием.

Истинный армеец Виталий Андреевич Звонцов родился 23 февраля. Праздновали день рождения в ресторане. Элеонора Викторовна обратила внимание на положительные изменения в Тасе. Исчез специфический сибирский говор. Одетая она была уместно и красиво, хоть и не дорого.

Дни летели. За весной наступило лето. Начались экзамены: выпускные у Вити, сессия у Таси. В начале июля проводжали Виктора в Москву.

Душил зной. Палило солнце и слепило глаза. Прогудел поезд. Забегали люди с сумками и чемоданами. Заплакал ребенок. Витя и Тася расставались на целый год.

Впереди – неизвестность. Все слова сказаны и не сказаны. Все слёзы пролиты и не пролиты. Всё ясно и ничего не понятно. Тёплые руки юноши крепко, до боли, сжимали девичьи ладошки, похолодевшие от ужаса разлуки. На всём белом свете они были одни со своей разлукой. Карие глаза, с невыразимой грустью, смотрели, как синие очи отчаянно тонут в океане быстротечных слёз.

Прозвенел звонок. Уезжающие разошлись по вагонам.

«Ты меня жди, Ласточка, моя! Только ты жди! Всё будет хорошо! Впереди у нас целая жизнь! Я это точно знаю!» – произнёс, почти прокричал Виктор и исчез в темноте тамбура.

Глава 2. Второй год

Дорога домой

Шел третий день отпуска. Тася сидела, уставившись в одну точку. Витя уехал. Мир рухнул.

Сокурсницы разъехались на каникулы по домам. Осталась только Наташа, которая не могла бросить сестру, в таком плачевном состоянии.

– Тася, миленькая, как же ты не понимаешь, что жизнь не бывает без расставаний! В войну женщины ждали по пять лет. Мужей могли убить, искалечить... Он что, бросил тебя? Виктор поехал учиться! Что ж ему, неучем оставаться, во имя любви? Приедет!.. Да и малолеток он ишшо, для женитьбы! Тебе-то в августе исполняется восемнадцать годков, а ему только семнадцать будет в декабре! – торжествующе завершила монолог Наташка и, дразнясь, показала язык.

У Таськи, от обидных намёков на разницу в возрасте с Виктором, глаза, в один миг, высохли и вспыхнули злой синевой!

Наташка увидела признаки возвращения к жизни у сестры и обрадовалась:

– Поехали домой, Тасенька! С автостанции запустили грузотакси на Александровку! Если поторопиться, то можем,

уже к вечеру, добраться до дома!

– Хорошо, – согласилась Тася.

Сборы заставили, на время, отвлечься и не думать о разлуке. Тася, укладывая подарки, которые они с Наташкой накупили для домашних, почувствовала, как сильно соскучилась по родным, по Связи, речке, сопочке, удочкам! С каким нетерпением, должно быть, мама и бабушка ждут их! Как будут рады встрече! Тасе стало стыдно, что она так позабыла обо всех!

Сёстры едва втиснулись в деревянный салон ГАЗика – «полуторку», переделанную в «грузотакси». Народ разместился, растолкал пожитки. ГАЗик натужно фыркнул и покатил.

Ехать было жарко и неудобно. На ухабах и кочках трясло. Машина взывала и останавливалась на подъемах. Пассажирам приходилось преодолевать их пешком. На спуске люди возвращались на свои места и ехали дальше. С горем пополам, часов через восемь, доехали до Весёловки и «полуторка» «закипела». Шофёр присвистнул и объявил: «Приехали!»

До дома оставалось километров двенадцать, не больше. Но близилась ночь. Идти по голому полю страшно! Тася с Наташей растерялись: знакомых, чтобы здесь переночевать, у них не было.

Что за чудо? Автолавка, с надписью «Продтовары», оста-

новилась прямо перед ними.

Из кабины, со стороны пассажира, вышла их александровская соседка – Татьяна Ерофеевна. Следом подбежал водитель – Семён. «Вот так встреча!» – обрадовались все.

Расторопная Татьяна Ерофеевна за пять минут выяснила городские новости, а Семён, указывая глазами на кузов автолавки, предложил сёстрам: «Это, конечно, не такси, но лучше, чем пешком. Поедете?»

Тут и думать было нечего!

– Да! – хором воскликнули счастливые попутчицы.

Фургон был не предназначен для перевозки людей. Он представлял собой полый куб, обшитый стальными листами, в котором не за что было держаться.

Семён закрыл дверь будки, и девушки оказались в крошечной темноте.

Взревел мотор, машина тронулась с места...и что тут началось! Таську с Наташкой стало кидать из стороны в сторону. Они летали по кузову автолавки, вместе с фуфайками и валенками, которые за ненадобностью, везли домой.

Автомобиль набирал скорость, тряска увеличивалась. Чтобы не разбиться в конец, нужно было что-то срочно предпринять. Наташа, благодаря высокому росту, быстро нашла выход из положения. Прислонившись спиной к стене, она поднялась и уперлась ладонями в потолок. Закрепившись, таким образом, избавилась от болтанки.

Таська не доставала до потолка и продолжала мыкаться от

стены к стене. Наконец, ей удалось зацепиться за Наташку. Ухватившись за сестру двумя руками, тоже встала на ноги.

Получив стабильность, обе некоторое время молчали. Переводили дух. Соображали, сколько времени предстоит ехать в таком положении. Прошла минута, вторая. Девчонки начали потихоньку хихикать. Вскоре, хохотали в голос. Наташка ещё и покрикивала, чтобы Таська замолчала, потому что и так «руки слабнуть». Но это только вызвало очередной приступ смеха.

– Живы? – спросил шофёр, открывая дверь.

– Живы! – отозвались сестры, обрадованные, что добрались домой.

– Вон, смотрите! Ваши-то, ишшо, огород поливают! – сообщила Татьяна Ерофеевна.

Дома

В ту ночь ни сёстрам, ни Агафьи Емельяновне, ни бабушке Пистимеи не пришлось спать. Засиделись за разговорами. Девчонки рассказывали о событиях, произошедших за этот год.

Пистимея выслушала исповедь Таси и, со вздохом, произнесла: «Женится, али не женится – вот вопрос. Пять, говоришь, лет осталось ждать-то? Это ни мало. Молодость скоротечна. Сколь годков тебе будет к тому времени? Двадцать три... Вековуха значить. Коли никто не посватает, так деваться некуда, подождёшь! А коль хлопец хороший попадетсЯ...! В жизни всё нужно делать вовремя: замуж выходить, деток рожать, а то проглядишь на журАвля в небе... да останешься ни с чем».

Гане в ту пору было тридцать пять, из них двенадцать лет она вдовствовала. После войны сватался к ней хороший человек. Фронтовик. Пришёл с хлебом-солью, как положено. Да только Таська, Сашка, Райка да Наташка такой рев подняли, что все сваты разбежались.

История с Витей Агафье Емельяновне не понравилась. Не таким она представляла будущее дочери! Женщина мечтала, что Тася, через год-два, выйдет замуж за местного парня. Деток родят. Дом построят. Будут жить по соседству, друг к другу в гости ходить. Вот оно – счастье!

«Уж добро с войны ждали мужей по пять лет! А тут на какого-то парня, даже не жениха, дочь собралась тратить лучшие годы жизни! Да ещё, что за работа будет у этого Вити? Увезет, не дай-то бог, дочь за тридевять земель! Не добратся до неё, ни помочь! Будет мыкаться одна, как сирота, без доброго слова, безо всякой родительской защиты», – терзали мысли Ганю.

Но, по всему видно, что Таська влюбилась. Ганя не стала расстраивать её своими сомнениями – резать по живому, тем более что обо всем и без того, уже сказала бабушка Пистимея.

«Поживём – увидим. Делай, что должно и будь что будет», – успокоила она дочь и отправила её спать.

В Александровке жизнь шла своим чередом. Забот у сельчан – полон рот. Лето. Страда.

Прошли две недели отпуска. Чтобы отвлечься от тоски, Тася ни на минуту не оставалась без дела: работала в огороде, складывала дрова в поленницу, таскала воду. Пока была занята, грусть отступала.

Частенько навещалась к тёте Дуне Сергеевой. Три старших её сына- фронтовика разлетелись по стране. Младшие пока жили с ней: Артём работал заведующим сектором учета в Александровском райкоме комсомола, Иван учился в школе.

Трифон служил в армии. Его трудолюбие и хозяйская

жилка были замечены и там: начальство не желало отпускать хорошего работника и оставило его на сверхсрочную службу.

В письмах он рассказывал про свою армейскую жизнь шутки-прибаутки. После тяжелого колхозного труда, служба казалась ему забавой. Подъем объявляли «только в шесть часов» утра. По сельским меркам – это очень поздно. К этому времени, селяне уже подоят и отгонят в стадо скотину. Сообщал, что кормили хорошо: давали масло и мясо, даже в пост. После каторжных сельскохозяйственных работ, ему казалось, что он попал в игру: солдаты бегали, прыгали, сидели за партами. «Правда, сын прокурора повесился...» – добавил он как-то, к своему незатейливому повествованию.

Первое письмо

Тася полола картошку в низине, у самого берега реки Маралихи, как вдруг услышала, что наверху, по дороге, тренькнул звонок велосипеда.

Это – почтальон!

Она пулей перелетела через огород и палисадник. Вот оно, заветное письмо! Дрожащими руками распечатала конверт. Развернула лист с бесценным текстом и начала читать. Дошла до строк: «Люблю тебя! Твой Виктор!» расцеловала их и принялась перечитывать. Для неё каждая буква была, как глоток свежего воздуха, как кусок хлеба для голодного, как бальзам для болящего.

Витя писал, что готовится к экзаменам в институт. Скушает и любит свою Ласточку.

Тася просидела до ночи на веранде, пытаясь сочинить ответ. Смотрела на исписанную, смятую, изодранную в клочья тетрадь по математике... и, со всей ясностью, понимала, что не может сформулировать ничего достойного своему любимому человеку. От этой мысли её кидало то в жар, то в холод.

Послание Вити дышало любовью и нежностью. Юмор в нём сочетался с серьёзными вещами. Написано оно было каллиграфическим почерком, без единой помарки.

Тася сбивалась с мысли, путалась в грамматике, буквы

«плясали», выглядели неровными и торопливыми. Слова, которые она с таким трудом подбирала, абсолютно не выражали мысль. Строки разъезжались. От жирных клякс голова шла кругом!

Хуже всего обстояло дело с содержанием. Проблемы в изложении начались с первой строки, сразу после слов: «Дорогой мой, ненаглядный, Витенька!» Следующая за ними фраза: «Как проводили тебя на вокзале, то свет у меня перед глазами погас, еле до дому добралась», после прочтения, была сокращена на треть: «Как проводили тебя, свет у меня погас».

Какой свет, где погас? Совсем не то, что хотела сказать Тася! Предложение было снова переписано: «Ты уехал, я очень расстроилась». Теперь чувства выглядели обыденными и вообще не заслуживали, чтобы о них нужно было сообщать.

После десятка неудачный вариантов воплотить любовные эмоции на бумаге, Тася решила рассказать о поездке домой на грузотакси. Но вскоре отказалась и от этой затеи: запуталась в именах попутчиков. Описание путешествия в автолавке оказалось совсем неподходящим, для лирики любовного слога: «После того, как Семён, сын Татьяны Ерофеевны, нашей соседки, живущей рядом с тётёй Дуней, с которыми мы встретились, когда у нас закипел мотор в Весёловке, закрыл дверь, и машина тронулась, нас с Наташкой стало швырять по будке, из стороны в сторону, отбив все бока и ребра».

Многочисленное переписывание этой сцены, с целью улуч-

шения, не привело к удовлетворительному результату. Этот эпизод был тоже исключен.

Прополка огорода, рубка дров, стирка белья ни капли не придавали романтизма. Тася ничего не могла сообщить Виктору! Любая тема из теперешней её жизни казалась скучной, не интересной, или смешной... Люди пишут друг к другу целые трактаты, сочиняют поэмы, а она не может сложить несколько предложений! Кошмар!

После того, как тетрадь была испорчена и красовалась в печке скомканными валками, Тася решила попросить совет. Стала думать, у кого. Перебрала всех. Проблема была деликатной. Личной. Выбор пал на двоюродного брата – Сергеева Артема. Он работал с молодежью. Смеяться над ней точно не станет!

Комсомольский вожак с интересом выслушал сбивчивую просьбу сестры и, со знанием дела, выдал обстоятельные рекомендации:

– Чего больше всего ждёт твой Витя? Он скучает и хочет найти подтверждение своим чувствам! Напиши, что ты часто вспоминаешь какие-то важные события, при которых вы были вместе. Помни! В письме, как в сочинении, должны быть вступление, главная часть и заключение. Послания от любимых люди хранят, чтобы их можно было перечитывать. Потому важны дата и подпись. Сходи в библиотеку. Ознакомься с перепиской литературных классиков: Чехова, Тол-

стова... Постарайся, чтобы твоё повествование было в светлых тонах. Пусть твои строки улучшают настроение, поднимают дух! Это лучше, чем страдания описывать...

Тася послушалась и вскоре отправила своё первое письмо.

«Дорогой и любимый, Витенька, здравствуй!

Получила от тебя весточку! Радовалась так, что сердце чуть не выпрыгнуло из груди от счастья!

Разлука с тобой, видно, будет много тяжелее, чем выдилось год назад, когда мы только начали встречаться. Но я понимаю, что нужно пройти этот путь.

Думаю о тебе! Живу мечтой, что мы будем вместе!

Начался сенокос. С утра до вечера все колхозники работают в поле.

В этом году уродилась хорошая картошка. Копаем её уже потихоньку. Много нынче и земляники. Бабушка Пистимея собирает лекарственные травы. После обеда, в самый зной, мы с Наташкой и Райкой купаемся в реке.

На днях пригодились мои медицинские навыки: оказывала помощь соседу, дяде Гоше Колмогорову. Он располосовал себе ногу косой. Я остановила кровь и зашила рану. Теперь все смеются и кличут его «иштым», а на меня смотрят с уважением. Кое-кто даже называет «врачицей».

Отпуск, Витенька, у меня подходит к концу. Следующее письмо направляй, пожалуйста, в город, в общежитие медицинского училища. Адрес – ты знаешь.

*Жду вестей от тебя. Скучаю и люблю.
Твоя Таисия. 05.08.1953 г.*

Учёба

Осень 1953 года не торопилась в Рудный Алтай. Теплые дни стояли почти до октября. Тася любила это время года не только за его красоту в начале, когда каждый расцвеченный золотом лист, как цветок, украшает землю. За печальную задумчивость дождя... Она с малых лет привыкла, что осень – итог работы, сбор урожая и самый сытый сезон года.

В конце августа Витя был зачислен в МГИМО, на факультет «Зарубежное регионоведение», по специализации «Индокитай. Юго-Восточная Азия».

В письмах он не вдавался в детали учёбы. Сообщил только, что начал изучать, наряду с английским языком, французский, испанский и «диалектный континуум – хинди, распространённый, преимущественно, в северных и центральных регионах Индии».

Когда Тася прочитала это, то, с ужасом, поняла, что за Виктором ей не поспеть. Пропасть между ними, с каждым годом, будет только расти. Она скоро выучится на фельдшера-акушера. А он станет профессиональным дипломатом.

«В одну телегу впрячь не можно, коня и трепетную лань!» – загрустила она.

Ей виделось: приедет летом Витя, заговорит с ней, предположим, о Юго-Восточной Азии, а она ни «бэ», ни «мэ» ни «ку –ка–ре-ку»! Не только не может поддержать беседу, но

и, вообще, слабо представляет, где это находится.

Что делать? Ответ напрашивался сам собой: учиться самостоятельно. Конечно, Виктора она не догонит! Но кое-что, ей вполне по силам: нужно подтянуть географию, историю и продолжить заниматься английским.

Мудрая Щербицкая смекнула смещение акцента ученицы и переквалифицировалась в преподавателя культуры стран Индокитая.

Иногда Тася навещала Звонцовых. Виталий Андреевич и Элеонора Викторовна были рады видеть её. Вкусно и досыта кормили, обстоятельно расспрашивали. Пару раз ходили в кино втроём.

– Тася! Витя будет звонить к нам вечером 19 декабря, в свой день рождения, – сообщил Виталий Андреевич. – Придёте?

Разговор начала мать. Следующим был отец. Выяснил, как идёт учеба у сына, спросил про самочувствие и настроение. Передал трубку Тасе. Вместе с женой, из вежливости, они вышли из комнаты.

Тася растерялась, в первую минуту. Но услышала любимый голос и почувствовала, что всё по-прежнему, он соскучился и с нетерпением ждёт встречи.

Витя спрашивал. Она отвечала. Рассказывала про училище, библиотеку. Про свои попытки не отстать от него, чтобы

не выглядеть рядом с ним «дурой стоеросовой». Он смеялся, шутил, говорил, что его «рыжая девочка способней всех на свете и, придёт время, всё наверстает».

В тот вечер, она надолго засиделась у Звонцовых. Каждый из них, по десятому кругу, рассказывал, что сказал Витя и какая у него была интонация.

Распрощались поздно.

Тася долго стояла на улице, у входа в общежитие. Не хотелось заходить внутрь. Девчонки начнут расспрашивать. Промолчать невежливо... но, посторонним вход воспрещён! Всё, что происходит у них с Витей – это только их, двоих, дело!

«Что-то нужно ответить им, как можно, короче», – вертелось в голове.

Шёл снег и чудесным образом преобразовывал всё вокруг. Тася стащила варежку и подставила ладошку. На неё дружно посыпались снежинки. Они таяли и превращались в прозрачные капли. Тася умылась талой водой, чтобы избавиться от улыбки, сияющей после разговора с Витей. Открыла дверь, сняла обувь и, на цыпочках, пробралась по длинному коридору, мимо спящей Кузминичны.

Прикосновение к вечному

Окончание сессии 25 января 1954 года, в канун дня студентов – «Татьянин день» Тася отмечала у Звонцовых. Кудесница Элеонора Викторовна приготовила пирог с земляникой. Распарила ягоду для начинки. Аромат заполнил комнаты сочным ароматом. Вскружил голову и защемил душу воспоминаниями о лете.

Было тепло и уютно. Сладко похрапывал в кресле кот. Вскипел чайник. Разговор плавно переливался из одной темы в другую и всё время возвращался к Виктору...

Элеонора Викторовна, глядя на Тасю, любовалась ею.

– У тебя, случайно, температуры нет? – воскликнула женщина, заметив болезненный румянец на щеках у Таси.

Девушку немедленно уложили в постель с диагнозом «ангина». Трое суток Элеонора Викторовна готовила больной полоскания, питьё и бульоны.

Тася не могла представить себе, что кто-то будет за ней, как за малым дитём, так заботливо ухаживать.

Элеонора Викторовна ощутила материнскую привязанность к «милой девочке». Виталий Андреевич, глядя на эту идиллию, с радостью, отмечал, что страсти вокруг «неугодной невесты» улеглись.

Медицинская практика проходила в центральном родиль-

ном доме Усть-Каменогорска. Первые дни Тася знакомилась с документацией и была кем-то, вроде посыльного. Бегала с анализами в лабораторию и обратно. Присутствовала при осмотре пациентов и готовила беременных к родам.

И вот, наконец, свершилось!

«Ни с чем несравнимое ощущение... священное действие! Прикосновение к вечности, непрерывной цепочке жизни», – писала Тася Виктору, о своём первом присутствии на родах.

В штатном режиме, в обычной обстановке, в операционной кричит мать, затем ребенок. Работает медицинский персонал. Для них это «нечто неземное» – каждодневный труд. Тася стала членом их команды. Вскоре и в её руках оказалось маленькое красное тельце: человек родился!

Прошла весна. И снова наступило лето. На торжественном вручении дипломов присутствовали Звонцовы.

«Дорогие выпускники! – обратился руководитель училища, – Медицинские сестры и лаборанты, акушеры и фельдшеры – вы все очень нужны советским людям и нашему здравоохранению! Совсем недавно, наши коллеги спасали с поля боя раненных бойцов. Сегодня и вы вливаетесь в ряды тех, кому многие из нас обязаны жизнью. В добрый путь! Будьте старательными, любите людей и своё дело!».

– Ну что, домой? – спросил Виктор Витальевич, когда путевка в жизнь, под названием «Диплом», была в руках у Таси.

– Домой!

В добрый путь!

Сёстры вернулись домой. Не успели зайти в горницу, как нагрянул гость – председатель колхоза – Левицкий Прокопий Матвеевич.

Он поздравил девушек с успешным окончанием училища, и, не мешкая, перешёл к делу:

– Завтра, милые, давайте-ка, на службу выходите! Фельдшерский пункт у нас в плачевном состоянии: работать некому. Вы, почитай, с самой войны, первые кадры, по медицинской части, в селе. На одной Поликарповне всё акушерство, сколь лет, держится! Старая она стала. Увольняется. Ну что же? Пускай с внуками сидит, а снохи работают. Летний день год кормит. В колхозе рук недостает, каждая – на вес золота. Вот вы нам, в самый раз, в сенокос амбразуру закроете... Что, красавицы, по рукам?

Наташа промолчала.

– Прокопий Матвеевич, я жениха жду. Когда он придет, отпустите меня в отпуск? – молящим голосом спросила Тася.

Левицкий сообразил, что девушки-то, в принципе, не возражают! Подмигнул Тасе и подытожил:

– Мы и жениху твоёму работу сыщем, ежели придет! – продолжил довольный собой мужичок, – об чём речь-то? Конечно, отпущу!.. Ну так вот, стало быть, жду вас завтра с утра! Будьте здоровы! До свидания, – завершил свою миссию

Левицкий, сел в бричку и укатил.

Утром сёстры пришли в контору правления колхоза. Левицкий, вместе с Блиновым, главным и единственным врачом в деревне, встретили их у крыльца.

Представлять никого не нужно. Все и так друг друга знали. Левицкий сразу перешёл к существу вопроса:

– Дмитрий Михайлович, к тебе пополнение! Принимай!

Через полчаса бодрый и словоохотливый главврач знакомил новые кадры с больницей.

– Рабочее место медсестры, – указал он на процедурный кабинет и передал ключ Наташе.

Фельдшерско-акушерский пункт имел отдельный вход, с противоположной стороны здания. Блинов открыл дверь в помещение и жестом пригласил Тасю войти внутрь.

– Осматривайтесь пока. Жду Вас, Таисия Ивановна, у себя, через час, – отчеканил Блинов и пошёл к себе.

Дмитрий Михайлович перечислял Тасе должностные обязанности:

«Фельдшеру-акушеру нужно самостоятельно производить первичный прием женщин, осуществлять постановку диагноза, проводить лечения, назначать лекарственные препараты. Контролировать ход беременности, принимать роды. Чтобы посещать пациентов в хуторах и на лесозаготовках за фельдшером у нас закреплён конь, для мобильности

и скорейшего передвижения».

Таисия слушала и к ней приходило понимание, что придётся многое терпеть, бескорыстно отдавать, заботиться, не требовать ничего взамен и... обучиться верховой езде.

Главный врач продолжал перечислять список:

«Лаборанта у нас нет, потому анализы, по женской части, будешь брать и исследовать сама. Изготовление лекарственных препаратов – тоже твоя компетенция. По части рецептуры, книги у нас имеются. Хирурга тоже нет. Сама понимаешь, в каких условиях работаем. С Натальей будете у меня в роли ассистентов. Серьёзных пациентов мы направляем в город. И последнее: назначаю тебя своим заместителем... Да, чуть не забыл! Жду от тебя заявку на приобретение инвентаря и расходных материалов для фельдшерского пункта. Поликарповна – акушерка от бога, но грамотой не владела. А ты у нас – дипломированный специалист! Забирай бюрократию и бумажную волокиту! Кажется, всё... Можешь приступать к работе.

В добрый путь, Таисия Ивановна!»

Витя приехал!

Каждое утро к новой «фельдшерице» выстраивалась очередь. Народ валом валил!

В любой момент могли привезти роженицу, а у Таси не было ничего кроме собственных рук.

«А если возникнут осложнения?!» – с ужасом думала она и включила в заявку всё необходимое для оснащения фельдшерского пункта. Но когда заикнулась Блинову про минимальные запасы крови и кислородные подушки, он покрутил пальцем у своего виска: мол, что ты, девка, с ума сошла! И вычеркнул их из списка.

В больнице отсутствовали водопровод, канализация, отопление – радости цивилизации, к которым успела привыкнуть Тася в городе и то, о чём пришлось забыть в селе.

Агафья Емельяновна волновалась за дочь. Она не сомневалась в её старании и трудолюбии. Судя по оценкам в дипломе, знания по профессии у неё были хорошие. Но! Она пришла на смену повитухе, сорок лет принимавшей роды в деревне... У Анастасии Поликарповны – безукоризненный авторитет. По мастерству и опыту Таська не могла с ней сравниться! Да это и не беспокоило Ганю – молодость быстро кончается, а опыт приходит на практике. Терзала мысль, что в случае ошибки, мог пострадать человек. Женщина молила

бога, чтобы дочь не опростоволосилась, а земляки стали ей доверять.

Бабушка Пистимея тоже переживала за внучку и решила помочь ей, по-своему. Она поставила тесто. Испекла пироги, сложила их в лукошко и пошла к Поликарповне.

В первые две недели родов не случились. За это время Тася сделала всё, что от неё зависело для нормального приема пациентов. Были получены препараты, инструменты, материалы, выдраены и продезинфицированы помещения.

Двум женщинам, которые имели отклонения от стандартного течения беременности, она выписала направление в город, чтобы те могли рожать там, где есть запасы крови, медикаменты и, самое главное, наличие опытного персонала.

Чтобы ни делала Тася, она не переставала думать о Викторе. Ждала его и мечтала о встрече. Последнее письмо пришло от него перед её отъездом из Усть-Каменогорска. Витя сообщал, что сдаёт последний экзамен. Обещал выехать сразу после сессии, побыть с родителями и приехать к ней.

С тех пор прошло уже почти три недели. Она чувствовала, что Витя вот-вот должен быть здесь. Каждое утро, уходя на работу, она предупреждала об этом домашних. Мама и бабушка её успокаивали: «Ступай с Богом! Встретим мы твоего Витю!»

Утром щебетали птицы. Светило солнце. Тася шла на работу. На душе было спокойно и весело: «Скоро придет Витя и увидит, как у нас красиво: реки, горы, поля, березы, черёмуха, ивы! Ему обязательно понравится!»

Издали она заприметила стайку баб, метавшихся на крыльце фельдшерского пункта.

«Так и есть Стешка! В город, она, конечно, не поехала! Господи! Да у неё схватки уже идут во всю!» – пронеслось в голове.

После осмотра стало понятно, что есть час-полтора, до начала первой потуги. Тася попросила собравшихся родственников сдать пробу на совместимость крови с роженицей. Наташке объяснила: «Плод в тазовом предлежании⁶. Возможны кровопотери. Единственное спасение роженицы, в нашем случае – прямое переливание крови. Нужно найти подходящего донора: пусть сидит наготове и ждёт».

Тася уложила Стешку на кушетку и попыталась привести плод в правильное положение. Нащупала голову ребёнка, его упругие ягодицы. Обеими руками зафиксировала положение маленького тела и стала вращать. Стешка закричала изо всех сил. Ребёнок внутри живота медленно развернулся головой вниз! «Ура! Получилось!» – Тася вытерла испарину со лба, подняла глаза и увидела перед собой деревенскую повитуху.

– Молодец, Таисия Ивановна! – похвалила та, – отличная

⁶ Википедия: Тазовое предлежание плода – продольное расположение плода в матке с обращенными ко входу в малый таз ножками или ягодицами

работа. Почитай, половину дела сделала!

– Анастасия Поликарповна! Спасибо, конечно, но что Вы... здесь...делаете? – спросила Тася.

– Помогать, тебе, милая, пришла! Глянь, на скамейке-то, ишшо две бабы сидят, покрывают... С тремя за раз, одной тебе не сладить! – ответила Поликарповна.

Тася посмотрела в окно. Охнула и побежала принимать «новеньких».

С первой, они с Поликарповной благополучно и быстро «отстрелялись». Второй пошла Стеша. Голова плода то показывалась наружу, то заходила внутрь.

«Задержи дыхание, Стеша, миленькая, дай мне ухватить его!» – кричала Тася, но всё было напрасно: сразу после потуги, женщина вдыхала новую порцию воздуха, и затягивала ребёнка обратно, внутрь.

На помощь пришла Поликарповна: умелыми движениями закрыла Стешке нос и рот – не дала сделать резкий вдох. Этого мгновения было достаточно, чтобы Таська подхватила и вытащила на свет божий девочку!

Тут следующая родильница собралась рожать. На помощь прибежали Дмитрий Михайлович и Наташа: «Шутка ли?! Трое родов одновременно!»

У Стешки послед⁷ не отошёл, а потуги кончились! Пришлось проводить ручную чистку матки.

«Всё! Моя хорошая!» – окончила Тася свою работу.

⁷ Оболочка плода у беременных

Стешка глядела на неё измученными и счастливыми глазами. Улыбнулась искусанными губами, и проговорила: «Спасибо, тебе, Тасенька!».

Солнце клонилося к вечеру. Родственников собралось чуть не пол – деревни. Поликарповна вышла на крыльцо фельдшерского пункта. Привычным взглядом оглядела односельчан и произнесла торжественную речь: «Всё путем!» Заприметила Василия, мужа Стефании, и сказала ему: «Дочка у тебя, паря! Поздравляю! Таисию Ивановну благодари! Она только что жизнь твоей жене спасла!»

«Буду дежурить сегодня в больнице», – подумала Тася.

Убедилась, что больше ничто не угрожает жизни молодых мам и новорожденных, решила выйти на свежий воздух. Открыла дверь и увидела на пороге Витю!..

В деревне

Виктор никогда не жил в деревне и слабо представлял сельский быт. Удивляло всё: манера общения, уклад, обычаи. Он оказался в самом сердце кержацкой общины, во многом сохранившей патриархальные традиции допетровской Руси. Гость, переступив порог горницы, читал молитву, крестился в пояс перед образами, здоровался и, после приглашения, проходил внутрь.

Прием пищи у кержаков – в строго в определенные часы. Перекусы на ходу не приняты. С едой не бегали даже малыши.

Никто не слонялся без дела. Все работали: пожилые в доме, подростки – в огороде, взрослые – в колхозе.

Агафья Емельяновна хлопотала, накрывала на стол, а бабушка Пистимея вела беседу с Виктором.

Первая реакция на него у жителей Связи была настороженная, не доверчивая. Витя, как мог, старался выказать доброжелательность. Женщины это оценили. Начали улыбаться. Пистимея Васильевна расспросила про родителей, про бабушек, дедушек. Перешла к теме учёбы.

Диалог получился обстоятельный, серьёзный.

Ночевать гостя отправили на сеновал, позади двора. На

крыше сарая была сооружена поветь⁸ из горбыля⁹, для сена. В летнюю пору здесь спал Саша, пятнадцатилетний брат Та-си.

За прошедший день Саша с Витей успели только поздороваться и перекинуться несколькими словами. Сейчас оба молчали. Ни тот ни другой не знали, с чего начать разговор.

– Витька, а у тебя «это», ну с девками, было? – спросил Сашка.

– Да, – прозвучал ответ.

– С Таськой?! – охнул перепуганный брат.

– Нет, на море, – без энтузиазма сообщил Виктор.

– Имей в виду, ЖЕНИХ. У нас с «ЭТИМ» строго. До свадьбы ни-ни. А то кости переломают, а девку – проклянут, – выпалил Сашка и угрожающе вытаращил глазищи.

– В курсе я! Уже предупредили, – отозвался жених.

Виктор лежал на спине, любовался на звёзды, сияющие сквозь щели в неровных досках. В голове проносились события дня. Знакомство с родственниками Та-си, о которых много слышал, заочно знал каждого, но увидел впервые. Ожидание любимой у стен фельдшерского пункта. Погружение в деревенские проблемы.

Он один, из всех собравшихся не сомневался, что Тася справится. Виктор знал, как умеет работать его Ласточка и

⁸ Помещение под навесом на крестьянском дворе

⁹ Крайняя доска при продольной распилке бревна, с одной стороны, выпуклая.

что на неё можно смело положиться. Когда пожилая акушерка, сообщила, что роды прошли благополучно и народ облегчённо выдохнул, он ни капли не удивился – иного и быть не могло!

Засыпая, он представлял любимое лицо, синие глаза, уставший взгляд, радость, когда она увидела его и ...этот вздох, как волна: «Витя!»

Виктор проснулся от щебетания птиц, сенного аромата душицы, ромашки, зверобоя... Сквозь щели решетчатой крыши пробивались первые лучи солнца. Сашки уже не было. На часах пять утра, но, по всему видно, дом давно проснулся.

Виктор спустился с сеновала, на земляной пол сарая, по гладкому, до блеска надраенному бревну. Вышел во двор, где во всю кипела работа.

Сашка мыл мочалкой из рогожи корову Малюту. Вторая буренка – Ночка, после душа, встала на дойку. Агафья Емельяновна быстро и ловко вытягивала у неё из вымени две струи молока. Под напором, они со звоном летели и ударялись в дно оцинкованного ведра. Прямо на глазах, молока становилось всё больше и больше, звуки постепенно смягчались и сошли на нет. Ведро наполнилось.

Сашка ухватил его и отнёс на веранду, где вовсю орудовала Таська. Процеживала и пропускала молоко через сепаратор. Заливала сливки в самодельную маслобойку и крутила

ручку, чтобы добыть масло.

Сдобренный комбикормом обрат,¹⁰ вынесла телятам— Майка и бычок Первак уплетали это лакомство, только шум стоял.

Агафья Емельяновна встала, потирая поясницу, подхватила стул, на котором сидела во время дойки, и пошла к следующей корове, которая терпеливо дожидалась своей очереди.

Бабушка Пистимея, опираясь на костыль, под навесом готовила еду для поросят. Виктор подошёл к ней. Спросил, чем может помочь. Она указала на ведро, с остывшим кормом. Виктор взял его и понёс в сарай. Старушка поплелась следом, рассказывая помощнику про «скороспелую» супоросную свинью, которая рано «зачала» — четырёх месяцев от роду.

Под руководством Пистимеи, Виктор накормил скот, вышел во двор, где его подждал Сашка.

— Хочешь? — спросил он и протянул Виктору кружку парного молока, — Пойдешь со мной, провожать коров в стадо?

Мероприятие приемки-передачи скотины из хозяйских рук на попечение пастуху, оказалось своеобразным сельским клубом, под открытым небом. Сельчане встречались друг с другом и, пользуясь моментом, определяли или корректиро-

¹⁰ Продукт, получаемый в процессе сепарирования, после отделения сливок из цельного молока

вали планы на день.

Самой актуальной из новостей, в то утро, было прибытие в деревню его персоны. Легкий утренний ветер донёс до Виктора: «Таськин жаних! Ажно с Москвы приехал!»

Люди старались в открытую не сверлить его взглядами, но он чувствовал, что все внимательно за ним наблюдают.

– Саша, что за кличка такая чудная у быка – Первак? – спросил Виктор, когда они возвращались домой, – Ночка, Малюта, Майка – это, более-менее ясно, но назвать быка самогонкой – это оригинально!

– Ничего оригинального здесь нет – всё просто, – ответил Сашка, – во время родов, из чрева коровы, плод шёл задом наперед. Ему помогали – тянули за ноги, потом их растирали самогонкой – у ветеринара спирта не оказалось. Отсюда кличка – Первак.

– Витька, пойдем купаться!

– Догоняй, Сашок!

Они, наперегонки, бросились по тропинке, меж огородных грядок, зацветающей картошке, по крутому берегу, прямо к речке! Деревянный мосток, нырок – оба в воде!

Истопник

После завтрака Витя с Тасей пошли в больницу: надо было сменить Наташу, которая осталась на дежурство, чтобы дать возможность сестре побыть с женихом.

На больничном дворе разгружалась машина с лесом, на дрова. Вокруг неё, на костылях, торопливо ковылял одноногий старик и суетливо командовал: «Иван, ты сюды, сюды складай, да забор мне, чудака смотри, не повали!»

– Тасенька, ты ступай, делай свои дела, а я людям помогу, – сказал Виктор, показывая кивком на деда с костылём и Ивана, в одиночку разгружающего машину с прицепом.

К обеду чурки разгрузили и сложили к стене. Старик, Петр Лукич, бывший фронтовик, ныне работающий истопником и сторожем в больнице, похлопал Виктора по плечу, поблагодарил и, протянув пачку папирос, предложил: «Закуривай!»

Виктор не курил, но испытал неловкость, что отказался от папиросы. Сел на лесину, рядом с фронтовиком.

– Жаних Таисии Ивановны, фельдшерицы нашей, будешь? Надолго ли сюды? – начал дед привычную для Виктора беседу, за последние сутки.

– До осени. Пока каникулы в институте не кончатся... Пётр Лукич, вы что же, один здесь будете с чурками вое-

вать? – поинтересовался Виктор.

– Кто ж мне поможет? Сенокос! Самая страда. У меня правая рука плохо шавелится, из-за ранения. Косить не выходит, а вот с лесом управляться я и левой приноровился, – добродушно поделился старик.

– Научите меня дрова колоть? – весело подмигнул Виктор деду.

Недели через полторы, во дворе больничного дома выси-
лась поленница.

Следом привезли уголь. Виктор перетаскал его в углярку.

За это время они подружились с Пётром Лукичом. Старик, видя бескорыстную помощь юноши, рассказал ему многое об истории села, об александровском обществе, и о страшной судьбе Пистимеи Васильевны.

Совсем молоденькой ее выдали замуж за сына дьякона. Дьякона расстреляли в революцию. Семью, с малолетними детьми безбожные власти изгнали из собственного дома. Новые хозяева, из сострадания, позволили им какое-то время пожить в подвале. Муж Пистимеи вскоре умер и оставил её с четырьмя детьми.

В начале 30-х годов, в награду за ударный труд в колхозе, Пистимея получила крохотный деревянный дом с холодными сенями и комнатой с печью. Двое старших детей в войну погибли. Осиротевшие внуки – Наташа и Рая остались у неё на руках.

Меньшая дочь – Ганя, после гибели мужа, стала жить с ней, вместе со своими детьми-полусиротами: Тасей и Сашей.

Сенокос

Лето катилось по Рудному Алтаю. Согревало, задабривало зелёными сводами черёмухи, калины, рябины. Заколосились пшеница, зажелтел подсолнух, заневестилась гречиха.

В полях колхозники сгребали подсохшее сено. На скошенных полянах бугрилась копны, как клепки на одежде: ровными рядами, на одинаковом расстоянии друг от друга. Вся деревня вышла на укладку сена.

Копны к скирде подтаскивались лошаадьми, к сёдлам которых были привязаны длинные толстые веревки – волокуши. Наездник управлял лошадьёу так, чтобы волокуша обвила копну. Второй конец верёвки вставляли в петлю на седле и лошадь тащила поклажу.

Наверху скирды работали крепкие и умелые мужики. Они принимали и укладывали сено в плотную двухскатную крону, чтобы скирда не обрушилась, не была разметена ветром, и с неё бы стекала вода.

Тася сходила к роднику, принесла ведро ключевой воды, поставила его в холодильник, накрыла полотенцем и принялась подгребать оброненное сено граблями с деревянными зубьями.

Витя, сам того не замечая, всё время держал Тасю в зоне внимания. Когда она была рядом, он чувствовал в душе гармонию и спокойствие.

– Таська! – прошептал Виктор, обнимая её, – ты, оказывается, рыжая и с веснушками! Мне очень нравится! Рыжая-рыжая, сладкая моя девочка!

– Ты тоже рыжий! Посмотри-ка, у тебя волосы совсем выгорели: из темного-каштановых превратились в рыжие! – отвечала Таська, – Рыжий-рыжий и такой любимый!

Продукт ректификации

К августу Уба обмелела. В некоторых местах её можно было перейти вброд. Витя с Тася наловили рыбы и разбили бивак. В котелке попевала уха. Стрекотали кузнечики.

Со стороны реки доносился всплеск воды. Около валунов уже больше часа барахтался колхозный зоотехник – Будько Юрий Николаевич. Выбрался на сушу и подошёл к Вите с Тасей. В руке у него блестел кукан с тремя большущими желто-зелёными рыбинами.

– Налим! – представил улов Юрий Николаевич.

– Вы что же, руками их вытащили? – удивился Виктор.

– Конечно! Летом налим спит в придонных ямках, – рассказал зоотехник.

– А к зиме? – продолжил диалог Виктор.

– Идёт на нерест. Активизируется в холодной воде, – подробно пояснил рыбак и продолжил диалог, – смотри, вы уху варите из одной мелочёвки! Думаю, угощу-ка я вас настоящей рыбой! А то ведь, Виктор Батькович, уедешь в свою Москву и будешь считать, что в Убе водятся одни только чебаки, да пескари. А вот и нет! Здесь красавца-налима можно поймать, а при особом везении, и тайменя подсечь!

– Спасибо, Юрий Николаевич! Присаживайтесь! Разделите с нами трапезу, – пригласила Тася, – налима я сейчас разделаю и будем есть «тройную» уху.

– Какая вкуснотища! – воскликнул Виктор, – Я в жизни не ел ничего подобного! Моя мама прекрасно готовит, но этот рыбный суп – лучший из всех, что я ел.

– Это водка чудеса творит, – с улыбкой пояснила Тася.

– Водка? – не понял Виктор.

– Именно. Продукт ректификации... Смесь спирта высокой степени очистки и воды, в соотношении 40 к 60, – квалифицированно пояснила Тася, улыбнулась и продолжила, – стопка дистиллята на котелок ухи!

Все рассмеялись и принялись за еду.

Пока обедали, словоохотливый Юрий Николаевич поведал про особенности ловли налимов.

– Говор у вас не местный, Юрий Николаевич, как судьба привела Вас в эти края? – спросил Витя.

– Я родом из Запорожья. После армии окончил сельскохозяйственный институт. Сюда по распределению попал. Встретил свою будущую жену – Людмилу Андреевну, женился и остался в Александровке. Сердцем прикипел здесь ко всему. В прошлом году поехал в отпуск на родину. Так мне убинские налимы каждую ночь снились! Сидят в ямках, под корягами, да под камнями! Усами шевелят, к себе манят, – отвечал Юрий Николаевич.

– Здешний стал я совсем – продолжал он, – хотя, Виктор, ты знаешь, я ведь православный, а Люда моя – кержачка – старообрядка, поморского толку.

– В чём проблема, не пойму? – не понял Виктор.

– Её сородичи, после смерти, меня с ней рядом не похоронят... Считают, что я не того роду племени! На своё кладбище кержаки чужаков не пускают! У них с этим делом строго! Так ведь, Таисия Ивановна? – Юрий Николаевич подмигнул глазом Тасе.

– Вы в нашу, старую веру перекреститесь, тогда пустят! – посоветовала ему Тася.

Проводы

Календарь беспощадно стряхивал лист за листом. Вместе с ними истекало время каникул. Виктору нужно было уезжать.

Природа разворачивалась к осени. На Яблочный Спас напекли пирогов. Тася, разговляясь сочным спелым яблоком, угощала им Витю и приговаривала: «Что загадано – то надумано! Что надумано – то сбудется! Что сбудется – не минуется!»

Провожали закат. Уходящее солнце высветило на самой вершине сопки две фигуры: мужскую и женскую. В розовом отблеске вечерней зари, они стояли, обнявшись. Молчали. Молили бога, чтобы поскорее их соединил.

Огненный купол солнца уходил за горизонт и безвозвратно уносил их последний день. Впереди – разлука. Письма и надежда на новую встречу. Ещё один долгий и томительный год ожидания.

В густых зарослях кукушка напевала своё нехитрое: «Куку».

...Стучали колеса. Мчался поезд. Мелькали города, сёла, вокзалы, станции. С каждой минутой увеличивалось расстояние между Витей и Тасей. Он смотрел в окно и с грустью вспоминал уходящее лето, напоенное нежностью и трепетом

двух любящих сердец.

Время, проведённое в деревне, многому научило его и подарило встречи с простыми, но, по-житейски, мудрыми людьми. Он познакомился с кержаками, о которых слышал раньше, от городских жителей: «У-у-у, кержак упрямый!»

Грозными и недоверчивыми они были только на первый взгляд. Напускная суровость проходила и уступала место дружелюбию, когда люди видели искренность, чистоту помыслов, уважение их традиций и обычаев.

Теперь он знал наверняка, откуда в Тасе такая крепкая закалка, трудолюбие, порядочность, мощный задел энергии. Она черпала силы у родной земли: душистого сена, спелой земляники, парного молока, синей сини леса, прозрачной глубины рек – всего, что называется Родиной.

Глава 3. Фельдшер-акушер

События

Минуло пять лет. Пришла весна 1959 года.

Таисия Ивановна, по-прежнему, работала фельдшером-акушером в селе Александровка и заочно училась в пединституте, по специальности «преподаватель английского языка».

За эти годы в Александровке построили клуб, баню, котельную и новую двухэтажную больницу. Жили и работали в селе только местные – выучились в городе и вернулись обратно. «Чужаки» не задерживались в здешних краях – не вписывались в местный колорит.

Разбросанные на большом расстоянии мелкие колхозы и хутора, объединили в одно хозяйство – совхоз¹¹ Ждановский. Но до дорог «руки не доходили». В отдалённые населённые пункты, кроме как на лошади, добраться было не на чем. Тася ездила к пациентам на гнедом жеребце, приписанном к сельской больнице. За пять лет работы она привыкла к коню.

¹¹ Советское хозяйство. Совхозники являлись государственными работниками, им платили заработную плату и выдали паспорта

Частенько ей приходилось выезжать в хутора и принимать роды. Селяне не очень-то следовали доводам врачей. Никто заблаговременно в больницу не приезжал. В последний момент, на бричке или санях мчался перепуганный мужик с воплями: «Рожает!» и увозил фельдшера в пургу, в осеннюю непогоду, летнюю жару, средь бела дня или ночи. Труд акушера в деревне был сродни пожарному – в любой момент могли поднять.

Люди в сибирской глубинке лечились травами. Детей рожали дома, с бабками-повитухами, прибежали к заговорам. Однажды женщина несколько часов мучилась, не могла родить. Приехала Тася. Свекровь не хотела допускать её к роженице, как не замужнюю, с заплетенными косами. «Перекрутит она все ходы, перекрутит» – причитала она. Пришлось строго поговорить с мужем, чтобы тот обеспечил возможность оказания жене медицинской помощи.

Ездить приходилось по полю, лесу, где водились дикие звери: волки, медведи. Конь не раз спасал жизнь. Животное загодя чувствует опасность: начинает фыркать, упираться. Тася держала на изготовке ружье. Выстрелы пугают хищников. Они уходят прочь. Отстают и отказываются от преследования.

Зима 1959 года долго не сдавала позиции. В марте снегом перемело все дороги: ни пройти, ни проехать. Тася возвращалась домой из отдалённого хутора после трудных родов.

Всё закончилось лишь под утро. Она устала – не спала вторую ночь. Серко тихо брёл по глубокому снегу, проваливаясь в сугробы по самое брюхо.

Монотонная езда, плавные покачивания в седле усыпили измученную девушку. Пока лошадь выбиралась из очередного снежного капкана, Тася мягко соскользнула со спины животного и, оказавшись в плену снежной перины, продолжала смотреть сны про лето и любимого Витю.

Серко, лишившись седока, прибежал к больнице.

Блинов увидел, что оседланный конь не привязан. Вышел устранить безобразие и сделать внушение Таисии, но на дверях фельдшерского пункта висел замок. Истопник сказал, что с утра не видел её. Прибежала перепуганная Наташа и сказала, что сестра с вечера уехала в Шигин хутор и до сих пор не вернулась.

Поехали на розыски.

Тася лежала за селом в сугробе. Лицо, закутанное в шаль, уже припорошил снег...

Успели. Разбудили. Напоили спиртом, из её же сумки. Всё обошлось. После этого случая, установили в больнице жёсткий график дежурства по ночам. Предоставили фельдшеру обязательные выходные дни.

Вечная невеста

Тася каждый день писала Виктору письма. Иногда, всего по несколько строк. О том, как прожит ещё один день без него.

В селе многое изменилось за последние годы. Родились новые люди. Дочка Стеши уже должна была на будущий год пойти в школу.

Двоюродные братья Сергеевы, к тому времени, все встали на крыло. Пётр работал в городе на заводе. Михаил служил за рубежом. Андрей был избран парторгом в совхозе. Артёма, по линии комсомола направили на учёбу в Высшую партийную школу в Алма-Ату. Трифон, после демобилизации, работал председателем александровского рабкоопа¹².

Перемены произошли и у жителей Связи. Саша стал студентом исторического факультета пединститута. Раиса окончила медицинское училище и осталась жить в городе.

У Натальи подвижек к созданию семьи не случилось, впрочем, как и у Таисии. Наташу в деревне злые языки давно записали в «вековухи», а Тасю в «вечные невесты», что, в принципе, одно и то же. С той разницей, что прозвище «вечная невеста» несло едкую ироничность, в сравнении с мрачным и тяжелым понятием «вековуха».

Каждое лето Виктор приезжал на каникулы. В прошлом

¹² Рабочий кооператив

году он окончил институт. Но чтобы получить статус дипломата, ему необходимо было пройти стажировку, в регионе специализации – в Индии.

Для Таси эта новость прозвучала как приговор: ещё год ожидания. Виктор не мог взять её с собой.

Огорчало, что за шесть лет причин, отменяющих их совместную жизнь, меньше не становилось.

«Ждала, пока он окончит школу, институт. Теперь стажировка. Завтра возникнет ещё какое-то препятствие. Когда же мы поженимся и будем жить вместе?» – думала Тася и понимала, что заключение брака смысла не имеет, если жить раздельно.

В Индию он не мог взять её с собой. В случае замужества, ей нужно будет выживать в Москве одной: устраиваться на работу и снимать квартиру. Или переехать к родителям Вити в Усть-Каменогорск. Ни того, ни другого Тася не захотела. Решили ничего не менять и отложить женитьбу на год.

Сколько шуток, насмешек, уколов, упреков ей довелось услышать от посторонних людей и от домашних по поводу её застарелого «невестиного» статуса! Мама и бабушка уже давно отступились: «Делай, что хочешь – твоя жизнь!»

Тася принимала роды у женщин. Видела восторг появления на свет новой жизни. Она хотела счастья, семейной жизни и радости материнства.

Обычная совсем история

Март пугал своими буранами, снежными заносами. Но морозы уже заметно ослабли. Горы снега просели и подернулись блестящей ледяной коркой.

Александровка готовилась к последнему дню масленицы – Прощеному воскресенью. Официально праздник именовался в совхозе как «Проводы зимы». Отмечать собирались широко – на Долгой сопке. Объявили турнир троек Александровского района.

Тройки должны были продемонстрировать фигурную езду – искусство перехода из рыси в галоп. Выполнить сложные развороты и «восьмерки». Поприветствовать зрителей.

В круг Долгой сопки планировалось три забега и финал. Собрать хорошую тройку – это мастерство. Лошадей нужно было «сездить». Ездовой должен быть асом, от которого требовалась внимательность, сила, терпение, умение, чутьё, чтобы справиться с непростым норовом подопечных.

С утра в воскресенье Тася с Наташей нарядились в яркие цветастые шали и собрались на гуляние. Как вдруг с улицы донесся звук колокольчиков. На конях ко двору подъехал брат – Трифон. Он, как ездовой, должен был представлять александровскую тройку.

Длинные гривы и хвосты серых в яблоках лошадей были

тщательно промыты, расчѣсаны и убраны атласными лентами. Упряжь украшена кистями. На фоне белизны поля, темноты леса и яркой голубизны небес, в венце коренника¹³ сияла золотом дуга, с многочисленными колокольчиками.

– Поехали! – пригласил Трифон, – Как вам тройка?

– Краше и не сыщешь! – нараспев ответили девушки и разместились в санях.

По сверкающей глади поля мчался экипаж, словно царская карета. Снежный ветер хлынул в лицо. Кони неслись, как молнии, едва касаясь копытами земли. Дух захватило от такой езды! В несколько минут долетели они до места.

На Долгой сопке развернулось народное гуляние: там и тут попыхивали самовары, лотки ломились от выпечки, разносолов, блинов. По центру, рядом с фигурой соломенной Масленицы, была сооружена сцена, покрытая пестрыми половиками. Играла гармонь, люди плясали и пели частушки. На взгорке высился масленичный столб, увенчанный деревянным колесом с призмами: две шапки, тулуп и женские сапоги.

Участники готовились к началу состязания. Сани, запряженные серыми в яблоках лошадьми, подкатили к месту старта. Трифон остановился около вороных жеребцов и откомендовал статного ездового:

– Григорий Васильевич Сорокоумов – председатель выдрихинского колхоза. Мой хороший друг и главный сопер-

¹³ Коренник – центральная лошадь

ник! Григорий, познакомься, с моими двоюродными сёстрами – Таисия и Наталья!

– Прятать таких красавиц – это непростительная наглость, с твоей стороны, Трифон!.. Сударыни! Вы, конечно же, будете «болеть» за своего брата! Но и гостей следует уважить! Коли первым приду, пожалуйста победителя поцелуем?! – задиристо спросил Григорий.

– Ну, коли победителя... – замялась Наталья и решительно продолжила, – ты одержи победу, а там, видно будет!

Весёлая встреча подняла настроение. Девушки пошли искать место повыше, чтобы увидеть весь круг, по которому поедут тройки.

Зрители собрались на самой вершине сопки.

Прошла жеребьевка. Началась фигурная выездка троек. Цокот копыт, звон бубенцов. Аплодисменты, крик трибун.

В первом забеге не было ни александровцев, ни выдрихинцев.

Разгоряченные лошадки обогнули Долгую сопку за считанные минуты.

Во втором забеге участвовали александровцы. Трибуны замерли. Взметнулся и упал красный флаг и в то же мгновение лихой свист Трифона Аникеевича запустил полет своей трехглавой птицы!

Трифон правил стоя неукротимой мощью серых в яблоках коней. Казалось, что взмыли они над землей и молнией метнулись к финишу. Далеко позади оставили других участ-

ников!

В третьем забеге выиграл Григорий Сорокоумов. Как чёрный плащ неслись вороные кони над землей. Тасе казалось, что сам дьявол-искуситель управляет ими.

Ожидали финала. Нервничали. Снова взмыл и канул ниц флажок. Раздался знакомый свист и помчались тройки: серая в яблоках и вороная. Белая вьюга и чёрный дым. Тася молила бога, чтобы победил брат. Загадала, что в случае, если Трифон придёт первым, Виктор женится на ней и они будут жить долго и счастливо.

Победила серая в яблоках тройка...

Трифон и Григорий весёлые и счастливые подошли к стайке девушек, к которой примкнули Тася с Наташей. Гриша принялся шутить, приговаривая, что второе место тоже заслуживает, чтобы его поцеловали.

Наташа ответила, как отрезала:

– На что нам второго целовать, когда первый рядом?! – и с размаху чмокнула брата в щёку.

Через секунду Трифон Аникеевич отбивался от налетевших девушек.

Гуляние продолжалось у масленичного столба с подарками. Молодые мужики и парни добывали призы. Первым был снят тулуп, потом шапка. Оставались женские сапоги.

Григорий скинул верхнюю одежду. Под одобрителный свист и аплодисменты, босиком взобрался и сдёрнул сапоги

со столба. Преподнёс их Тасе.

– Григорий Васильевич! – произнесла она, – Спасибо! Но взять подарок я не могу! Не хочу обнадёживать Вас: я люблю другого, давно жду его! Не обижайся на меня, мил человек! Вон сколько девушек вокруг! Любая из них и сапоги и тебя самого примет с радостью!

Григорий крикнул:

– Дарю!

Оставил добычу у ног Таисии. Развернулся и пошёл к своим вороним.

Жгли Масленницу, пели песни. Тася смотрела на рыжее пламя костра. Солома быстро сгорела: ярко и без тепла.

Много шума

Через два дня после Масленицы, в александровский рабкооп нагрянули представители выдрихинского колхоза: председатель – Сорокоумов Григорий Васильевич и парторг.

Рабочая кооперация (рабкооп) в сельской местности существовала на паевые взносы жителей района. Вела заготовку сельхозпродуктов и снабжала деревни промышленными товарами.

Колхозное хозяйство в селе Выдриха было крепким. Регулярно выполняло план. Но уговорить жителей стать пайщиками рабкоопа было трудно. В социальное строительство они вкладываться не хотели. В общественной жизни района участия не принимали. Запланированные фонды на второй квартал уже выбрали.

Председатель рабкоопа Сергеев Трифон Аникеевич недоумевал по поводу визита руководства выдрихинского колхоза.

Он удивился ещё больше, когда гости завели речь о финансовой помощи в строительстве хлебопекарни. Договорились и о привлечении новых членов в рабкооп из Выдрихи.

После совещания Григорий попросил Трифона о разговоре с глазу на глаз.

Когда они остались одни, Григорий спросил:

– У Таисии Ивановны действительно есть жених, или я ей

не по нраву?

– Жених, или не жених, я не знаю. Сватовства не было. Знаю, что учится он в Москве, на дипломата. Каждый год летом приезжает сюда. Таисия говорит, что сейчас он на стажировке, где-то за рубежом. Это обязательная процедура для специалистов его профиля, – отвечал Трифон.

– Ты сказал каждое лето! Сколько таких лет минуло? – удивился Григорий.

– Пять.

– Пя-ять?! – присвистнул Григорий Васильевич, – это что ж, она его пять лет ждёт?

– Тася ждёт Виктора семь лет. Прибавь два года учёбы в медицинском училище, – уточнил Трифон.

– И что, к ней не сватался никто? – не унимался Григорий.

– Каждый год сватаются. Только Таисия и слышать ни о ком не хочет...

Григорий задумался.

– Спасибо тебе на добром слове, Трифон Аникеевич!

С тех пор, как Виктор уехал в Индию, Тася стала получать от него редкие и короткие письма. Выполнены они были на пишущей машинке и приходили с большим опозданием.

Первое такое письмо, не на шутку, испугало её. Вспомнилась похоронка на отца. Тася даже боялась открывать конверт. Вникнув в суть послания, немного успокоилась, но продолжала точить мысль: «Может быть, у него руки ране-

ны?» Не выдержала, спросила. Оказалось, со здоровьем у Вити всё было благополучно, но письма, продолжали приходить нерукописными. Каждое из них, как укол в сердце: «Разлюбил».

Весна 1959 года выдалась холодной. Только к середине апреля потекли ручьи, проталины высветили землю и повеяло теплом. По дороге на работу, Тася повстречала почтальона, с письмом от Виктора. Остановилась на обочине, распечатала конверт и принялась читать. Холодные строки печатного текста сухо сообщали новости.

Тася услышала звук автомобиля. Оглянулась. Увидела УАЗик и подумала, что едет Левицкий. Автомобиль, поравнявшись, остановился. Это был Сорокоумов:

– Доброе утро, Таисия Ивановна, присаживайтесь, подвезу!

– Какими судьбами к нам, Григорий Васильевич, в такую-то распутицу? – спросила Тася.

– Будем строить у вас, в Александровке районную хлебопекарню на паях. Теперь частенько буду в ваших краях, – ответил Сорокоумов.

Подъехали к перекрестку.

– Я выйду здесь. Спасибо, что подвезли, – сказала Тася и взялась за ручку двери.

– Нет уж, сударыня, до места Вас доставлю! По этакой грязище брести нет никакого резона, – ответил Григорий и по-

ехал в направлении больницы.

– Вы знаете где я работаю? – удивилась Тася

– Кто ж не знает лучшего в районе медицинского работника! Таких хороших специалистов как Вы, у нас в районе раз, два, да обчелся! – обезоружил девушку Григорий.

Тасе не верилось в его искренность, но похвалу услышать было приятно.

– Тася! – торжественно обратился к ней Григорий, когда она уже приготовилась закрыть за собой дверцы УАЗа, – у вас в столовой знатно готовят. Приглашаю на обед! В нашу компанию с Трифоном и Андреем! Не возражаете, если я заеду за Вами?

– Андрей ходит с женой на обед домой, – удивилась Тася.

– Зато у Трифон не женат и питается в совхозной столовой! – не сдавался Григорий.

– Хорошо! Уговорили! – рассмеялась Тася.

Григорий Васильевич заехал в фельдшерско – акушерское отделение, с конфетами и букетом подснежников.

От цветов веяло нежным ароматом весны и земли, просыпающейся от долгой зимней спячки. Она приняла цветы.

Григорий приезжал ещё несколько раз и подвозил Тасю из больницы домой.

К концу рабочего дня, в пятницу на страстной неделе¹⁴,

¹⁴ Седьмая и последняя [седмица Великого поста](#), предшествующая [Пасхе](#)

которая совпала с последними днями апреля, Таисию Ивановну вызвал главный врач:

– Как жизнь молодая? Не надоело, товарищ фельдшер – акушер, на одном месте сидеть?

– Вы прямо в тупик меня ставите такими вопросами, Дмитрий Михайлович, – насторожилась Тася, не понимая, к чему он клонит.

– Таисия Ивановна! Руководство совхоза высоко ценит Вашу работу и старательность! Партия решила направить тебя, дочка, на следующую ступеньку профессиональной деятельности... Выдрихинский колхоз необходимо поддержать... в социальном смысле. Медицина там хромает на все четыре ноги. Так что поедешь поднимать работу тамошней больницы, Тася. Тебе, как главному врачу, предоставили в Выдрихе отдельное жилье, в непосредственной близости с местом работы. После майских праздников собирайтесь в путь.

Поздравляю с новым назначением, Таисия Ивановна!

Для меня, Тася, это удар, что называется, под дых. Но я понимаю, что там ты нужнее, да и расти тебе нужно, дочка..., – печально завершил свой торжественный монолог Дмитрий Михайлович.

Тася поблагодарила за оказанное доверие и пошла домой – сообщать новости. Всю дорогу думала: «Не дьявольские ли это проделки Гришки Сорокоумова? А может быть, действительно, оценили? На повышение отправили!»

Сватовство

В страстную субботу ставили тесто, пекли куличи, красили яйца – всё, как всегда. Всю ночь Бабушка Пистимея молилась. В Светлое Воскресенье, с утра пораньше, пришли христосоваться Сергеевы. Следом нагрянули: Левицкий, Блинов, пожилая женщина и ... Сорокоумов.

Бабушка Пистимея сразу сообразила в чём дело.

Женщина, после молитвы на входе, проговорила: «У Вас товар, у нас купец...». Всем стало понятно, с чем пожаловали незваные гости.

Тася, с пасхой в руках, ни жива, ни мертва, стояла в углу горницы, рядом с печкой.

Сваха начала расхваливать жениха. Подчеркнула его ум, здоровье. Рассказала об образовании: десятилетка, армия, курсы председателей колхозов. Сообщила, что «купец» возглавляет колхоз уже пять лет. Имеет свой дом. Мать живёт вместе с ним. Отец погиб на войне. Завершила речь словами о том, что Григорий просит руки Таисии Ивановны.

Родственники со стороны «невесты» хранили молчание. Взял слово Григорий Васильевич:

– Люди добрые! Пистимея Васильевна, Агафья Емельяновна, родные и близкие Таисии Ивановны! Мне 33 года. Я люблю Тасю. Верю, что нашёл себе достойную спутницу жизни. К созданию семьи готов. Скопил деньги на свадьбу

и дальнейшее обустройство. Обещаю, что приложу все силы, чтобы Тася была со мной счастлива. Ножкой босой будет ступать она в самые лютые морозы по полу, застеленному коврами. В лучшие одежды одену её. Через год сладим новый дом.

Прошу Вас, Пистимея Васильевна и Агафья Емельяновна, отдать мне в жёны Таисию Ивановну!

Бабушка Пистимея:

– Спасибо за почёт и уважение, которые ты, Григорий Васильевич, выказал нашей семье! Нет возражения у меня против брака с внучкой моей, Таисией Ивановной!

Агафья Емельяновна:

– Спасибо за добрые слова, Григорий! За честь посчитаем отдать Вам в жены Таисию!

Взоры устремились на Тасю. Лицо её пылало, руки дрожали, голова низко склонилась к пасхе, которую она продолжала держать. Все ждали её слово.

Подошёл Григорий. Надломил кусочек пасхи, съел, похвалил на вкус. Забрал блюдо, поставил его на стол и, глядя на Тасю, произнёс:

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе, – машинально ответила Тася.

По обычаю они троекратно расцеловались. После чего, Григорий взял руку Таси и одел ей на палец золотое кольцо.

Тася посмотрела на родных и увидела счастливые лица мамы и бабушки. С замиранием сердца они ждали от неё

только одного – согласия. И было невозможно, бесчеловечно и высшей степени жестоко снять кольцо и вернуть его Григорию. Руки у неё опустилась. Голова наклонилась. Воцарилось молчание.

«А дело-то сладилось!» – воскликнула сваха.

Присутствующие обрадовались. Весело зашумели и принялись за угощения.

Глава 4. Стажировка в Индии

«Братья на век...»

Расцвет советско-китайских отношений пришёлся на 1949-1956 годы. В этот период были заключены межправительственные акты, закрепляющие дружбу и взаимную помощь СССР и Китайской Народной республики (КНР).

СССР предоставлял КНР экономические, технологические, человеческие ресурсы и долгосрочные кредиты на льготных условиях. В Китае были созданы с нуля авиационная, машиностроительная, радиотехническая отрасли. Оснащены новым вооружением и квалифицированными офицерскими кадрами Народно-освободительная армия.

Про нерушимую дружбу двух народов сочиняли стихи и песни: «Русский с китайцем – братья навек...», «Сталин и Мао слушают нас».

После прихода к власти Хрущева, упоминания о Сталине и Мао из песни убрали. В феврале 1956 года, на XX съезде КПСС Хрущёв объявил новый курс «мирного сосуществования» СССР с капиталистическими странами, в противовес прежней политике, нацеленной на «мировую революцию пролетариата».

На съезде присутствовали делегации 55 зарубежных

стран. Лидеры иностранных коммунистических и рабочих партий были шокированы докладом Хрущева, разоблачающим «культ личности» Сталина. В знак протеста, руководители китайской и албанской компартий покинули XX съезд.

«Культ личности» и политика «мирного сосуществования» шли в разрез с прежними установками СССР и вызвали открытое недовольство Мао Цзэдуна – руководителя Коммунистической партии Китая (КПК). Он заявил, что хрущёвский курс уводит Советский Союз в сторону ревизионизма и противоречит коммунистической идеологии.

Китай решил, что наступил подходящий момент для реализации великодержавных амбиций. Особенно заманчивым выглядела перспектива выхода из кредитных договоров с СССР. «Зачем платить долги, если можно объявить кредитора врагом?» – рассудил Мао и китайская государственная идеологическая машина закрутилась с сторону разрыва отношений с Советским Союзом.

СССР продолжал, какое-то время, дружественную политику. Осенью 1958 года, при столкновении КНР и США в Тайваньском проливе, СССР сделал грозный посыл американскому президенту, в котором назвал Китай другом и дал понять, что не оставит его в одиночку бороться с агрессией.

Пропаганда против СССР набирала обороты в Китае. Отношения между бывшими «друзьями навеки» ухудшались день ото дня. Дошло до того, что Китай совершил вооруженные провокации на Дальнем Востоке и в Восточном Казах-

стане, открыто демонстрируя территориальные притязания к СССР.

Необходим был механизм, который если бы не остановил агрессивную политику Китая в отношении СССР, то хотя бы отрезвил Мао Цзэдуна. Отвлёк его на другие вопросы. Поставил бы на вид, что «всемогущество» и «неуязвимость» «Великого кормчего» – миф.

Китай имел давние неразрешимые внутригосударственные проблемы:

Тибет

Тибет расположен в удалённом горном массиве, на высоте четырёх тысяч метров над уровнем моря. Изоляция от внешнего мира, вызванная труднодоступностью и отсутствием дорог, способствовала появлению здесь уникальных традиций, религии, культуры.

Духовными лидерами, теократическими правителями и живыми воплощениями Будды на Земле в Тибете считаются Далай ламы.

После смерти очередного Далай ламы, монахи находили ребёнка, который должен обладать определёнными признаками и пройти тесты. Поиск нового Будды – дело не простое и может занимать несколько лет. Мальчика, соответствующего нужным критериям, отправляли в Лхасу, где он прохо-

дил обучение под руководством опытных лам¹⁵.

В 1913 году Тибет провозгласил себя независимым государством. В 1950 году Китай объявил Тибет частью своей территории. Ввел войска и начал насильственно внедрять реформы по китаизации населения: уничтожать тибетскую культуру, традиции, религию. Поощрять грабежи тибетских монастырей. Устраивать массовые репрессии, казни, убийства.

Тибет сопротивлялся политике Китая. Периодически вспыхивали восстания за независимость Тибета.

Аксай-Чин

Со времён Императорского Китая и Британской Индии вопрос территориальной принадлежности приграничного местечка Аксай-Чин вызывал жесточайшую конфронтацию, вооруженные столкновения с обеих сторон. Китай не признавал международную пограничную линию контроля "Маккартни-Макдональда", по которой спорная территория относилась к Индии.

Аксай-Чин отгорожен от Индии горным хребтом, высотой около 5000 метров.

Со стороны Китая, доступ на спорную территорию открыт и лежит через долину. В 1957 году Пекин построил национальное шоссе, номер 219, протяжённостью свыше 2,7 тыс.

¹⁵ Википедия по запросу: Далай – лама

км и проложил 100-километровый участок дороги через Аксай-Чин. Этот факт Китай держал от международной общественности в тайне.

Натан Бернард

Струящаяся прохлада ледяных Гималайских хребтов, живописные реки и водопады, изумрудная зелень гор, хрустальной чистоты воздух позволили некогда небольшому городку Шимла превратиться в летнюю столицу Британской Индии и штата Пенджаб.

Единственный цивилизованный путь, соединяющий Шимлу с «большой Индией» была железная дорога – «Британская жемчужина Востока»¹⁶, построенная в 1906 году, по английскому проекту. Железное полотно, длиной 96 км пролегалo через 806 мостов и 103 тоннеля. Проходило через джунгли, скалы, утесы, реки, ущелья.

Несмотря на революцию 1948 года в Индии и последовавшие за ней хаос и неразбериху, многие англичане, имеющие в Шимле имущество, продолжали здесь жить и работать. В городе было тихо и уютно, в отличие от царившей нищеты и разрухи в остальной части Индии.

В сентябре 1958 года, Натан Бернард – англичанин, французского происхождения прибыл в город Шимла, для вступления в права собственности. После смерти дядюшки, ему – внучатому племяннику достались по наследству небольшая фирма «W&P» по продаже автотехники и дом.

Нотариус, мистер Джонсон сопровождал юридические во-

¹⁶ Википедия: «Британская жемчужина Востока»

просы фирмы «W&P». По письму из Лондона занимался оформлением документов Натана Бернарда. Познакомившись с ним воочию, Джонсон отметил деловую хватку и образованность нового хозяина.

Со знанием дела, Натан Берnard запросил реестры документов, оригиналы договоров, бухгалтерские книги. Не прошло и трёх дней, как он задал компетентные вопросы и продемонстрировал полную осведомленность в вопросах фирмы. Провёл встречи с клиентами, налоговым инспектором и кредиторами. Активизировал рекламу. Каким-то непостижимым образом, заставил застарелых дебиторов рассчитаться по долгам.

Натан Берnard перестроил офис. Витрины заблестели алюминиевыми вставками и стеклом. Вывеска «W&P» засияла неоновым светом и стала точно воспроизводить фирменный оранжевый цвет компании.

Ввел яркие цвета и хромированные детали в интерьер. Обстановка, оставшаяся от прежнего хозяина, приверженца колониального стиля, была заменена и выполнена в духе неоклассицизма и рационализма, с простыми геометрическими очертаниями. Внутреннее пространство помещения задышало свежестью и светом. На изящных столиках появились дорогие журналы, с фотографиями образцов продаж итальянской компании O.t.M.

На открытие офиса, Натан Берnard устроил пышный приём. Многие пришли, больше, конечно, из любопытства, чем

из желания что-либо приобрести. Но тут же попали под пьянящее обаяние молодого хозяина.

Карий, с рыжей лукавинкой взгляд, искренняя улыбка, мягкий, но уверенный голос нового владельца «W&P», буквально, обволакивали клиента.

Облик Натана Бернарда был безупречным: высокий, красивый. Идеальная классическая английская стрижка, с использованием пробора с боку. По последней моде костюм с длинным пиджаком. Белоснежная рубашка с воротником на пуговицах (button-down), узкий галстук, оксфордские туфли – всё внушало доверие, показывало вкус человека с достатком.

Пять минут общения с мистером Бернардом и клиент оказывался вовлеченным в волшебную магию современных средств передвижения, которые сулили комфортабельные итальянские машины.

Фирма «W&P» и Натан Берnard лично гарантировали бесперебойную поставку запасных частей, качественный ремонт машин, по существенным скидкам. Кульминацией сервиса компании «W&P» стало предоставление мототехники и автомобилей в лизинг, под залог имущества клиента, которое мистер Берnard, с присущей ему осмотрительностью, брался оценить лично.

В течение нескольких недель весь арсенал транспортных средств фирмы был продан, сдан в аренду, а высвободившийся капитал направлен на приобретение товара.

Натан Бернард шёл на различные меры, чтобы поднять реализацию: предоставлял скидки, устраивал «показательные» выступления, акции, мотогонки на всех видах транспорта, которыми торговала фирма. Помощник нотариуса, которого срочно пришлось взять на работу, едва успевал оформлять заявки в O.t.M. на поставку новой техники и автомобилей.

После Второй Мировой войны, из гуманных соображений, отдельные страны перестали выдавать разрешения на использование труда рикш. Но только не в Индии! Сломать сложившиеся стереотипы в этой стране оказалось сложно. Плата за труд рикш была настолько мизерной, что скопить деньги на любой механизм им было не реально. Для фирмы «W&P» рикши являлись серьезными конкурентами.

Чтобы усилить борьбу с конкурентами-рикшами, Натан Бернард подготовил и направил губернатору штата Пенджаб бизнес-план по строительству завода по сборке моторизированной техники.

Прошло несколько месяцев.

Натан Бернард стал желанным гостем в домах английской знати и одним из самых интересных молодых участников английского клуба «BL».

«BL» представлял собой самое многочисленное джентльменское собрание в Индии, известное карточными играми, роскошными обедами и политическими дискуссиями. Чле-

ны клуба – военные, чиновники, бизнесмены, политики. Попасть в заведение было не просто. Членство возможно только по рекомендациям. Карточка «VL» перешла Натану Бернаруду по наследству.

Он общался со всеми, также как и вёл дела – с изяществом хорошего игрока в пинг – понг. Шутил, но не отшучивался. Играл, но не отыгрывался. С людьми в возрасте был почти-тельно вежлив, с молодыми – весел и непринуждён.

Мистер Джексон, владелец крупных строительных Компаний в Дели, и в США, наблюдая за Бернардом, невольно сравнивал его с молодыми людьми из ближайшего окружения. Поголовно они не желали работать. Слушали Пресли¹⁷, проводили время в ночных клубах, гоняли на автомобилях и мотоциклах. Их мысли занимало одно – прожигание родительских денег.

Контраст в пользу Натана Бернарда был разительным. По всему видно, что он получил воспитание в лучших английских традициях. В нём отсутствовали дурные подростковые комплексы, свойственные «золотой молодёжи»: доказывать своё гражданское право жить не так, как родители.

¹⁷ Википедия: Элвис Пресли – американский [певец](#) и [актёр](#), один из самых коммерчески успешных исполнителей [популярной музыки XX века](#). В США также известен как «король рок-н-ролла» (или просто «король» – The King).

Национальное китайское шоссе номер 219

Как-то раз, в начале февраля, после партии в *bridge*, молодые посетители клуба «VL» скучали. Досадовали на скромность и немногочисленность развлечений в Шимле. Сетовали на хроническую депрессию и долгие зимние вечера. Натан Бернارد предложил мотопробег по горным хребтам Гималаев.

– Господа, не поехать ли нам в Лхасу?! Наш путь до Тибета займёт три-четыре дня, включит две ночевки в гималайских деревушках, – рассказывал Натан Бернارد, – нас ждёт одна из самых красивейших дорог мира! Только представьте! От постоянной смены пейзажей и высоты у вас захватывает дух! Мы встретим поселки горных жителей. Монастыри и древние тибетские храмы. Познакомимся с удивительной культурой религиозных обрядов ламаизма¹⁸. Как замечательны горы ранней весной! Нам предстоит преодолеть два перевала. У первого пятитысячника – долина невероятной красоты. Второй – «Торонг-Ла» откроет вид на снежные пики Тибета! Тут уж не до скуки!

Группа джентльменов пожелала вникнуть в детали экскурсии. Решили, что для начала, нужно исследовать путь по

¹⁸ https://ru.wikipedia.org/wiki/Тибетский_буддизм

географическим картам.

В клубе все знали, что покойный дядя Натана Бернарда был известным путешественником, и по роду своего хобби регулярно обновлял личную коллекцию свежими картами. Через несколько дней, участники мотопробега изучали возможные маршруты проезда по атласам автомобильных дорог, изготовленных Королевским географическим обществом Лондона и аналогичным китайским картам, любезно предоставленным Натаном Бернардом.

– Взгляните, господа! – воскликнул один из участников мотопробега, – в китайском атласе значится шоссе под номером 219, в то время как в английских картах оно отсутствует!

– Быть такого не может, сэр! Наверное, лондонские карты устаревшие, – заинтересовался другой посетитель клуба. Поднялся с кресла и с лупой начал разглядывать дату изготовления атласа.

– Карты, выпущенные Королевским географическим обществом, датированы позднее! – ещё больше удивился первый, – Тем не менее, китайское национальное шоссе под номером 219 в них, почему-то, не значится!

Возгласы и яркие эмоции привлекли внимание пожилых посетителей клуба. Они тоже захотели вникнуть в суть происходящего.

Мистер Смит – американец, ирландского происхождения, владелец портов и судоходных компаний подошёл к столу,

где были развёрнуты атласы и спросил:

– Что это за дорога?

– Национальная трасса. Присутствует в китайских картах под номером 219. Соединяет Тибет и Синьцзян – Уйгурский автономный район, – ответили ему.

– Если не ошибаюсь, шоссе 219 проходит через Аксай-Чин? – уточнил Смит.

– Да, больше ста километров проложено по этой территории, – подтвердил второй.

– Господа! Что это значит? – включился в беседу ещё один американец – мистер Джексон, – китайцы, никого не спрашивая, в нарушение международных договоренностей, построили часть национального шоссе через спорную территорию с Индией?

– Судя по всему, правительство Индии не в курсе, что китайцы проложили свою автотрассу по Аксай-Чин? – продолжил дискуссию Смит, – В то время, как Дели добивается решения вопроса по демаркации границ, по линии "Маккартни-Макдональда", Пекин уже давно использует спорную территорию в своих интересах?

– Господа! Думаю, есть смысл познакомить наших индийских друзей с китайскими новостройками! Пусть порадуется собственной дипломатической оборотистости в разрешении территориальных споров без участия Великобритании! – завершил речь Смит и удалился, прихватив с собой китайские карты.

Через три недели китайскому министерству иностранных дел была вручена нота протеста от индийского посольства в Пекине. Суть которого сводилась к «вдруг обнаруженной китайской национальной автомобильной дороге под номером 219, проходящей через спорную с Индией территорию Аксай-Чин».

Протест содержал требование подтвердить фактическое наличие национального шоссе под номером 219, пояснить причины нарушения линии "Маккартни-Макдональда" и международных договоров по спорным территориям.

К ноте протеста были приложены китайские географические карты.

В короткое время вспыхнул грандиозный дипломатический скандал между Индией и Китаем.

Британия, США, страны Европы, Япония, Корея, Ближний Восток встали на сторону Индии. Советский Союз, на этот раз, заявил о своей *нейтральности*.

От себя лично, Хрущев Н.С. добавил, что *Советский Союз поддерживает Индийский суверенитет* над спорной территорией Аксай-Чин.

Неожиданное предложение

После объявления Тибета частью Китая, Далай лама XIV в течение девяти лет предпринимал попытки наладить диалог с центральной властью КНР. Но жесткая позиция коммунистического Пекина свела его усилия к нулю.

В начале 1959 года начались народные волнения в Тибете за восстановление независимости.

Пекинские власти объявили Далай ламу XIV государственным преступником-сепаратистом. Ему угрожал арест. Премьер-министр Индии – Джавахарлал Неру предложил Далай ламе покинуть Тибет и принять политическое убежище Индии.

Для Индии, находившейся в состоянии бесконечных пограничных конфликтов с Китаем, было выгодно заполучить к себе лидера Верховного правительства Тибета. Вместе с Далай ламой Индия получала козырную карту в вопросах территориальных споров с Китаем, "межгосударственного буфера" и политическое оружие против Пекина.

В конце февраля 1959 года у губернатора штата Пенджаб, в обстановке строжайшей секретности, состоялось заседание с участием представителей английских и индийских спецслужб по разработке плана бегства Далай ламы XIV из Лхасы (столица Тибета) в Индию.

– Мы проникнем в Тибет, как члены экспедиции Королевского географического общества Лондона, – докладывал руководитель операции, – Со стороны Тибетских властей нам будет предоставлен эскорт из двух автомобилей УАЗ-450 – это советские внедорожники, используемые в Китае, на которых мы перейдём границу, когда получим Далай ламу.

– Сколько времени займёт оформление китайских виз для членов экспедиции? – спросил губернатор.

– Не менее двух месяцев, – ответил представитель МИДа.

– Это недопустимо долго! – возразил губернатор, – Обстановка в Тибете накаляется и, в любой момент, может перерасти в военное столкновение. Пекин его подавит и упрячет Далай ламу за решётку. Руководство Индии настаивает на ускорении операции. Прошу МИД доложить, кто из представителей английского истеблишмента, проживающих в Индии, уже имеет открытые визы в Китай?

– Я затрудняюсь точно ответить на этот вопрос. Нужно поднять документы. С ходу, припоминаю группу участников мотопробега Шимла – Лхаса из клуба «VL». Они уже получили разрешение от китайских властей, – высказался представитель МИДа.

– Кто руководитель группы? – заинтересовался губернатор.

– Натан Бернارد – молодой английский предприниматель из Шимлы, – ответил МИД.

– По-моему – это как раз то, что нам нужно! Предлагаю

переработать план, исходя из концепции мотопробега, – объявил свои пожелания губернатор.

«Неужели заинтересовались моим бизнес-планом?» – удивился Натан Берnard, получив приглашение на аудиенцию от администрации штата Пенджаб.

Вопреки ожиданиям, встреча началась с неожиданного вопроса.

– Предприниматели города Шимлы готовятся совершить мотопробег в тибетскую Лхасу, – произнёс губернатор, – Я бы хотел узнать статус этого мероприятия.

– Финансовые и организационные вопросы, связанные с пересечением границы с Китаем решены, но мотопробег поставлен на паузу до лучших времён. Путешественники опасаются ехать в беспокойный Тибет. Есть только один реальный желающий – это я, – ответил Натан Берnard.

Губернатор предложил другой план:

– Правительство Индии организует географическую экспедицию в столицу Тибета. Вам, господин Берnard, предлагается её возглавить. Но есть одно условие... В городе Лхаса вы будете должны уступить своё место – участника пробега одному высокопоставленному китайскому вельможе, тибетского происхождения. Этот человек должен прибыть на территорию Индии, вместо вас, по вашим документам. Для выезда с территории Китая, мы предлагаем Вам паспорт на другое имя, с проставленной в нём визой и отметкой о въез-

де на территорию Китая, – объявил он и, видя недоумённый взгляд Натана Бернарда, пояснил, –

– По новому паспорту вы сможете вернуться в Индию и забрать у меня свои документы на имя Натана Бернарда. В качестве компенсации за причинённые неудобства, мы даём «зелёный свет» Вашему бизнес-плану и заключаем с «W&P» договоры государственных закупок. Половину денег вы получите в день начала экспедиция. Остальная часть будет выплачиваться по мере исполнения «W&P» обязательств... В течение нескольких дней новые документы будут готовы.

– Что потребуется от меня по этим договоренностям, в случае согласия? – спросил Натан Берnard.

– В ближайшие дни необходимо замять тему мотопробега с участниками клуба «BL» ... ну и помалкивать об этом разговоре, с кем бы то ни было. Детали и рекомендации по обмену тибетского вельможи, мы сообщим позднее, – завершил разговор губернатор.

Географическая экспедиция

В период 1958 – 1959 гг. советский разведчик-нелегал Виктор Витальевич Звонцов (агентурный псевдоним – Фокс) отработывал свою биографическую легенду в образе Натана Бернарда в Индии.

Он свободно изъяснялся на хинди, английском, испанском, французском, китайском, немецком языках. Владел правовыми основами европейского законодательства. Мог управлять моторным самолетом, парусной яхтой, автомобилем, мотоциклом. Мастер спорта по самбо, теннису, плаванию. В его арсенале было ещё с десяток уникальных навыков и знаний, полученных на этапе специальной подготовки.

Через установленный канал связи, Фокс сообщил своему куратору в Центре внешней разведки Советского Союза о предложении губернатора штата Пенджаб по обмену Натана Бернарда в ходе «географической экспедиции» на высокопоставленного тибетского вельможу.

На Фокса вышел связной и сообщил, что Натан Бернард оказался вовлечён в операцию английских и индийских спецслужб по бегству Далай ламы XIV в Индию.

Нотариус мистер Джонсон от удивления чуть не потерял дар речи, когда хозяин вручил ему договоры госзакупок с правительством штата Пенджаб на солидную сумму и до-

веренность на управление «W&P». Дал указания по работе фирмы. Сел в свой автомобиль и уехал.

Днём позже газета «The Times of India» сообщила, что Королевское географическое общество Лондона организовало мотопробег по маршруту Шимла-Аксай-Чин-Лхаса, с целью составления карт местности, проведения геологических исследований и фотографических съёмок. Статью украшала жизнерадостная фотография руководителя экспедиции – молодого предпринимателя из Пенджаба – Натана Бернарда. Он улыбался и приветствовал поднятой рукой публику.

Мистер Джонсон с трудом узнал своего хозяина: в шлеме и мотоочках.

...Дорога в город [Дхарамсал](#) не составила особого труда. В полдень следующего дня Виктор подъехал к небольшому дому, в британском стиле, где его ожидали на джипах два человека, в военном обмундировании, без знаков воинского различия.

После обеда, который прошёл в «географических» беседах, поехали дальше.

До места следующего пункта назначения, путешественники добрались к вечеру.

Судя по внешней атрибутике, это была военная база: КПП, охрана по периметру ограждения. Здания и сооружения на её территории были тщательно замаскированы.

Утром экспедиция, состоящая из семи военных джипов,

напичканных оружием, продолжила свой путь. На прицепах внедорожников были закреплены супербайки Harley-Davidson, на которых планировался переход через горный перевал и въезд в Китай.

Гималаи

...Шли пятые сутки путешествия. Езда утомила тело и душу. Горные дороги, больше напоминающие тропы диких животных, несли ежеминутную опасность. Приливу адреналина способствовали нависающие сверху камни и сужающийся серпантин. Управляли джипами опытные водители. Но даже они выматывались и через несколько часов сменяли друг друга. Старались держаться как можно подальше от осыпающихся краев дороги, за которыми зияла пропасть.

Натан Берnard получил от губернатора весьма расплывчатые рекомендации. Суть которых сводилась к благополучному пересечению границы и передаче документов «тибетскому вельможе». Выбираться с территории Китая, Виктору предстояло самостоятельно. Он просчитывал риски и варианты развития событий.

«От кого я могу ожидать наибольшей опасности? – думал он, –

1. Англичане. Зачем, предположим, им меня убивать? Как лишнего свидетеля? Но они не знают, что я в курсе похищения Далай ламы. Моё дело маленькое – пройти пограничный переход, передать паспорт, а дальше, поминай, как звали. Нет, англичанам я не нужен.

2. Индусы? Они подписали договоры с благонадежным поставщиком. Скоро получают свои автомобили и мотоцик-

лы. Могли бы этого не делать. Нет. Моя смерть индусам не нужна. Она принесёт массу не нужных проблем с Лондоном, по поводу исчезнувшего гражданина Великобритании.

3. Тибетцы. Точно – нет. Мы едем спасать их правительство.

4. Китайцы? Да! От них можно ожидать чего угодно. Британцы для них, если не заклятые враги, то уж точно, не друзья. Следовательно, нужно, как можно быстрее, исчезнуть, как только завершится процедура передачи документов Тибетскому вельможе.

...Предгорье Гималаев восхитило бы любого человека высотой гор, зеленью склонов, многочисленными водопадами. При других обстоятельствах, Виктор, наверное, тоже поражался бы этой красоте. Но сейчас, когда грозила смертельная опасность, мысли работали в другом направлении – как выбираться из Китая? Кульминация приближалась с каждой минутой.

Мысли рывками возвращались к Тасе.

«Неужели я её больше никогда не увижу?» – пронеслось в голове. Шальная мысль испугала. Виктор оттолкнул её и приказал себе прекратить малодушничать и паниковать. Вспомнил буддийскую истину, что если не можешь повлиять на ситуацию, то прими её. Решил, что как только будет возможность действовать, он не упустит своего шанса. Стал вглядываться в пейзажи за окном и думать только о хоро-

шем.

...В мире есть много горных хребтов, которые выглядят точно так же, как Гималаи. Поражают великолепием и неприступностью. Виктор смотрел на всю эту чужую неприступную красоту, и мечтал о родном Алтае! Пробежаться босиком по траве, поймать рыбу, сварить уху и долго-долго, обнявшись с Тасей, сидеть у костра, любоваться на искры, улетающие в небо ...и никогда не расставаться!

Тася! Она ждёт его и сходит с ума!.. Что он мог обещать ей прошлым летом, уезжая в неизвестность? Ничего. Мог только просить верить, надеяться, ждать и любить...

День клонился к ночи, когда на фоне синего неба, в долине скал, показался ослепительно-белый снежник, перевал – Торонг-Ла.

«Не мудрено, что при такой труднодоступности, индийцы не узнали о строительстве дороги!» – думал Виктор.

Процессия спешила. Участники «географический экспедиции» продолжили путь на мотоциклах.

За перевалом открылось плато – спорная территория Аксай-Чин – обширная соляная пустыня, окаймленная горами. Со стороны Индии не было ни воды, ни жителей. Со стороны Китая, в отблесках пожара высились дома, раздавались выстрелы, крики людей.

Восстание в Тибете

Натан Бернард, как руководитель экспедиции, первым проходил пограничный контроль. Остальные шестеро участников, на мотоциклах, с английскими государственными номерными знаками и флагами Великобритании ожидали очереди.

Виктору удалось подслушать разговор китайских пограничников. Он узнал, что три дня назад, во время религиозного праздника Монлам, в Тибете вспыхнуло народное восстание против пекинской власти. Из повстанцев образовались группы партизан. Захватили большие территории в южном и центральном Тибете. Атаковали китайских военных и органы власти. В Тибет, с минуту на минуту, должны были прибыть войска Национальной армии Китая. Муссировались слухи, что ведётся подготовка ареста Далай ламы XIV.

«Китайцы, индийцы, британцы – все охотятся за Далай ламой – всем он нужен!» – мелькнуло в голове у Виктора.

Китайские пограничники продолжали диалог:

– Всё-таки ненормальные люди – эти англичане, – возмущался один из них, изучая документы Натана Бернарда, – тут война, а они в путешествие едут. Цель прибытия – туризм! С ума сойти! Не пустить их – спровоцировать международный скандал. Британцы любят раздувать пожар на ровном месте! А у этого руководителя экспедиции, смотри-ка, даже зонтик!

Он бы ещё с тросточкой на войну приехал!

– Пропусти их, пусть едут, от греха подальше, глядишь, пороха понюхают, сами обратно убегут! – устало проговорил второй.

Эскорт из семи мотоциклов благополучно минул пограничный контроль.

...Греческие Мойры и римские Парки вслепую распределяют события. Наугад и невпопад тянут нити человеческой жизни, наматывая кудель на веретено. Судьба безлична. Безразлична и безрассудна. Люди – получатели и потребители своей доли. Но эта пассивная роль, отведенная древними богами, их всегда не устраивала. Человек движется в спектре своей цели. В стремлении к достижению идеала, который живёт в его воображении. Чтобы не ошибиться с ориентирами, математики придумали формулу Золотого сечения и теорию вероятности.

Правила Золотого сечения позволили людям создать пирамиды Хеопса, фасады древнегреческого Парфенона. Начиная с Леонардо да Винчи, многие художники сознательно использовали пропорции «золотого сечения» в изобразительном искусстве.

За всю историю человечества, лишь немногим удалось приблизиться к идеалу в науке, творчестве, практическом воплощении мечты...

Разведчик должен быть совершенен во всём. Обязан при-

менять формулу Золотого сечения к каждому действию и ситуации. Выполнять идеально свою работу. Сохранить жизнь и остаться на свободе. Иного ему не дано. Иначе смерть или долгие годы заключения под стражей в чужой стране, где ему никто не сможет помочь.

Британцы и индийцы, когда готовили план спасения Далай ламы, не предполагали, что восстание в Тибете придётся как раз на время проведения тайной операции. Но Мойры и Парки развернули кровопролитные события именно в эти даты.

Горели дома и машины. Разъяренные повстанцы громили китайские магазины. Улицы усеяны трупами. Люди и животные в смятении бежали куда глаза глядят. Тибет захлебнулся в крови.

Моторизированным «туристам» ничего не оставалось, как на бешеной скорости проскочить через эпицентр сражения и мчаться в Лхасу, к резиденции Верховного правителя Тибета.

Виктор двигался в колонне мотоциклистов и думал, что ему делать после обмена с Далай ламой? Куда податься? Вокруг война: полыхают дома, лачуги, целые улицы. Единственная артерия, соединяющая Тибет с остальным Китаем – это та самая национальная автомобильная трасса 219, по которой они ехали сейчас.

Китайцы, наверняка, уже объявили военное положение. С

минуту на минуту сюда прибудет вооруженная до зубов Национальная армия. Англичанина-одиночку арестует первый попавшийся патруль. Обосновать пребывание в зоне военных действий будет весьма проблематично...не реально!

«Поставят к стенке, чтобы не возится...Опять паника? – одёрнул себя Виктор, – Может быть, это – шанс выбраться из этойкой передраги?»»

Осознанный выбор

Путники прибыли в Лхасу.

Мотоциклы приблизились к резиденции Его Святейшества. Горели факелы. Было светло, как днём. Байкеров встретили охранники и попросили ждать.

Храмовый комплекс Далай ламы воздвигнут на горе. Террасы, площадки, башни, лестницы, крепости, дворцы, замки. Архитектурное совершенство красоты и гармонии поражало воображение...

Прошло полчаса. Несколько человек, одетых во всё европейское, приблизились к мотоциклам. Охранники, на ломаном английском языке, объяснили, что эта группа людей и есть цель «географической экспедиции».

Виктор, рассматривая «европейцев», сразу понял, кто из них Далай лама. К молодому человеку, возраста Виктора, было особое отношение – почтительное. Верховный правитель Тибета был молод, высок и красив.

Натан Бернارد поймал на себе его пристальный взгляд. Улыбнулся, сделал широкий жест рукой и пригласил Далай ламу к себе на мотоцикл.

Глаза юноши засветились! Он ответил улыбкой и направился к Натану Бернарду. Следом засеменяла свита. Приближённые пытались что-то объяснить Верховному правителю и эмоционально отговаривали его от выбора. Но Далай лама

был непреклонен! Он объявил окружению, что желает ехать *только* с Натаном Бернардом. Сопровождающим ничего не оставалось, как принять выбор и помочь Его Святейшеству устроиться на сидении, за спиной у Виктора.

Свита заняла пассажирские места, позади других байкеров. Мотоцикл с Далай ламой был поставлен в центр колонны. Едва успели двинуться, как показалась бортовая машина с китайскими солдатами и преградила путь. Национальная китайская гвардия пожаловала!

Между китайцами и дворцовой охраной завязался кровавый бой.

Кто-то крикнул: «Дави на газ!» и мотоциклы с рёвом ринулись в обратный путь – туда, откуда прибыли – к пограничному переходу на китайско-индийской границе.

За время, пока британцы выживали Далай ламу, народный фронт Тибета добрался до пограничного поста с Индией и стёр его с лица земли – границы больше не было.

Колонна мотоциклов беспрепятственно минула Тибет, соляную пустыню и к утру была за перевалом. Дальнейший путь экспедиции продолжался на джипах.

Через неделю путники достигли Дхарамсалы, в новой резиденции тибетского правительства в изгнании. Путешествие было завершено. Цели достигнуты. Далай лама XIV доставлен в Индию.

На первой полосе «The Times of India» от 29 марта 1959 года была помещена статья, что в честь прибытия Далай ламы XIV в Индию, губернатор штата Пенджаб устроил торжественный приём.

На торжественном мероприятии Натана Бернарда, в числе других участников экспедиции, наградили медалью «Вир Чакра» («За героизм»).

Завод по сборке МОТОЦИКЛОВ И МОТОТЕХНИКИ

С момента появления Натана Бернарда в Шимле, консервативный ум нотариуса начал привыкать к неожиданностям, которые преподносил ему неуёмный молодой хозяин. Мистер Джонсон нисколько не удивился ни его внезапному отъезду, ни появлению фотографии на первой странице «Times», ни скорому возвращению.

Нотариус отреагировал и принял, как само собой разумеющееся, когда Бернард уже на второй день, после экспедиции, заключил договор подряда на строительство предприятия по сборке мотороллеров и велорикш со строительной компанией мистера Джексона.

Через неделю площадка под строительство цеха была расчищена. В считанные месяцы возведены стены и закрыта кровля. Заказано и получено оборудование.

– Куда Вы так спешите? – однажды спросил Джексон Натана Бернарда.

– Увеличиваю скорость оборота капитала! – ответил он.

– Вы *прирожденный бизнесмен*, Натан! – воскликнул мистер Джексон, – кто Ваш отец, по – профессии?

– *Прирождённый бизнесмен!* – ответил Натан Бернард.

В июле сборочный цех начал выпускать первую продукцию, большая часть которой шла в погашение обязательств

с правительством штата Пенджаб.

Стажировка Виктора подошла к концу. Дальнейший путь его пролегал по маршруту: Шимла -Дели- Каир- Лондон- Москва.

Глава 5. Почти как с Далай -ламой

Досье

В мае 1959 года начальник отдела кадров областного управления КГБ по г. Усть-Каменогорску, подполковник Исаев Руф Арсеньевич получил задание из Москвы – подготовить досье на гражданку Сергееву Таисию Ивановну, уроженку с. Александровка, Восточно – Казахстанской области.

Изучая собранные документы, Исаев не мог понять предмета интереса спецслужб к простой деревенской девушке. Этот факт настораживал подполковника. Он знал, что выполнение задания «вслепую», без ясного представления «политических» предпосылок, обычно ни к чему хорошему не приводит. Исходя из своего гигантского опыта, он был твёрдо убеждён, что исполнитель должен понимать цели и знать предысторию вопроса, чтобы качественно выполнить поручение.

Руф Арсеньевич – старый кадровый сотрудник, тридцать лет верой и правдой отслуживший на благо Родины, как никто другой понимал, что любая человеческая жизнь с её эмоциями и переживаниями, с ошибками и стремлением их исправить, неизменно должна содержать «скелеты в шкафу». Это нормально!.. Но случай с Сергеевой, судя по всему, был

исключением из правил.

Все документы, добытые для досье, были, на удивление – идеальны! Но Исаев был твёрдо убеждён, что так не бывает! Но, как бы он ни старался, не смог обнаружить ни единой дурной зацепки её биографии фельдшера-акушера. Таисия Сергеева имела абсолютную оценку «отлично» по всем предметам в школе и училище. Характеристики с места работы, подготовленные совершенно посторонними, не связанными между собой людьми, словно под копирку, были с самыми хорошими отзывами.

Учёба, работа, увлечения, контакты полностью соответствовали образу советского человека- строителя коммунизма.

Единственный биографический штрих, что Таисия была внучкой дьякона, репрессированного и расстрелянного, как врага народа, вряд ли мог быть существенным и порочащим её прошлое, после XX съезда КПСС. К тому же, год назад дьякона реабилитировали.

Перебирая бумаги по второму кругу, Исаев наткнулся на справку, подготовленную Уколовым Д.М. – начальником военного гарнизона по г. Усть – Каменогорску, из которой следовало, что Сергеева Т.И. во время учёбы в медицинском училище в городе Усть-Каменогорске служила на пол-ставки санитаром в военном госпитале, совмещая работу с учеником 10 «а» класса средней школы № 39 г. Усть – Каменогорска, гражданином Звонцовым В.В.

«Вот это номер!» – воскликнул Руф Арсеньевич, увидев фамилию своего шефа. Почувствовав разгадку интереса спецслужб именно в этой справке, он немедленно позвонил Уколову. Начальник гарнизона рассказал романтическую историю любви сына начальника управления КГБ и гражданки Сергеевой Т.И.

Тем самым внёс абсолютную ясность в вопрос.

Последнее письмо

Виктор вернулся в Москву в конце июля 1959 года. Получил пачку писем от Таси и копии «своих» ответов к ней. Начал читать с последнего её письма.

Здравствуй, моя любовь, нежность, несбыточная мечта, мой ненаглядный Витенька!

Моё сердце разбивается о твои холодные, на машинке писанные слова. Не знаю, не пойму, что же случилось? Хотя... прошло так много времени в разлуке, что, наверное, мы, навсегда, потеряли друг друга.

Вчера меня засватали. Бабушка и мама дали согласие на мой брак с этим человеком. Он знает, что я люблю тебя, но уверен, что «стерпится – слюбится». Свадьба назначена на 02.08.1959 г.

У меня осталась последняя надежда, что ты успеешь забрать меня отсюда. Обещал ведь приехать в июле! Буду ждать тебя до самого последнего дня!

Твоя Тася. 02.05.1959 г.

Письмо выпало из рук Виктора.

Ильин день

Весь июль стояла засуха. Ждали дождь на Илью¹⁹, но второго августа с утра, на небе – ни облачка. Трифон почистил скотный двор, проводил коров в стадо.

Пришёл Андрей с семьёй, чтобы вместе ехать в Выдриху, на свадьбу к Тасе. Матушка повела внуков поить парным молоком, а мужики вышли за ворота в ожидании, когда бабы окончательно соберутся. Стояли – курили.

Левицкий для доставки совхозников на свадьбу и обратно, выделил бортовой ГАЗик. Люди собрались и стояли с ведрами, полными солонины и домашней выпечкой. Ждали машины и рассматривали подарки для молодых. Дядя Яша, в предвкушении радостного события, был навеселе. Сидел на табуретке, в середине дороги и развлекал собрание виртуозной игрой на гармошке. Настроение у всех было весёлое – свадебное.

В переулке показались клубы пыли. Ожидающие выстроились в очередь. Приготовились грузиться.

Оказалось, что это не ГАЗик! В переулок повернула «Победа»²⁰. Подъехала, затормозила и остановилась у ворот дома Сергеевых. Распахнулись двери. Из машины вышел Звон-

¹⁹ Ильин день – 02 августа по православному календарю.

²⁰ Легковой автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе в 1946-1958 годах.

цов Виктор, прежний жених Таськи. Следом появился военный и красивая дама, средних лет.

Виктор поздоровался с людьми, обратился к Трифону:

– Где Тася? Дома у них нет никого!

– Твоя Таська сегодня замуж выходит за председателя Выдрихинского колхоза. Мы на свадьбу к ним собрались, – ответил Трифон.

Евдокия Васильевна увидела неожиданных гостей, всплеснула руками: «Проходите в горницу!»

Сельчане обступили кругом Виктора. Вздыхали, наперебой сочувствовали: «Что же ты, парень! Такую девушку упустил! Сколь лет тебя ждала! Ни на кого ни разу не посмотрела! Гришка сам ей навязался!»

Виктор стоял в центре толпы, в лице ни кровинки. Взглянул прямо в глаза брату Таси и попросил:

– Я люблю её, и она любит меня! Трифон, помоги вернуть Тасю! Век такой помощи не забуду!

Трифон молчал. Стоял. Думал.

– Что, Трифон Аникеевич, свадьбы- то, видать, не будет? – остановил игру на баяне дядя Яша.

– Свадьба – будет! – твёрдо ответил Трифон. И тут же командовал Виктору и брату своему, Андрею:

– Живо в мотоцикл!

Кто-то из народа деловито изрёк: «Ну, готовься, земляки, вместо гулянки, кажись, будет у нас знатная драка!»

Евдокия Васильевна воскликнула: «Люди добрые, да ведь

они поубивают друг друга, с Григорием-то! Сынок, Триша! Не пуцу-уу!»

Но было поздно!

Трёхколесный «Урал» летел в пыли проселочной дороги к пешеходному мосту, через Убу: «В круголя не успеем! Напрямки – всего-то десять километров!» – прокричал Трифон, сквозь рёв мотора.

Бревенчатый мост через реку узкий – шириной не более чем разминуться двум встречным людям. Его, как временный переход из Александровки в Выдриху ставили на лето. Зимой ходили по льду. Чтобы мост не унесло весенним половодьем, ближе к заморозкам, его вытаскивали на берег. Сооружение не только обеспечивало возможность быстро добраться до ближайшего села, но и было излюбленным местом деревенской детворы: с него ныряли, ловили рыбу, на нём загорали.

Высадив пассажиров, и разогнав ребятишек, Трифон потихоньку поехал по брёвнам моста. Виктор и Андрей следом шли пешком. Вдруг одна из лесин, сорвавшись со скобы, отошла от общего массива. Колесо люльки, в мгновение ока, оказалось в воде, и грозило потащить за собой мотоцикл, вместе с водителем.

Все трое, как по команде, правильно сориентировались. Трифон соскочил с седла и подтянул руль на себя. Виктор и Андрей, в чём были, прыгнули в реку, и принялись поддерживать колесо снизу. Кто-то из них, чудом, нащупал но-

гой дно, получил спасительную опору, и приподнял люльку вверх.

Мотоцикл миновал мост и продолжил путь. На всех парах влетел в Выдриху. Подкатил к фельдшерскому пункту, с обратной стороны которого, последние три месяца, жила Тася.

Настоящая свадьба

«Успели, Слава Богу!» – облегченно выдохнул Трифон, когда увидел распахнутую дверь жилища.

Комнатушка была полна народу. Дым коромыслом. Готовились к свадьбе. Появлению Трифона никто не удивился: Сергеевых давно поджидали.

– Тася, подойди ко мне, милая!» – позвал сестру Трифон, – скажи, любишь ли ты жениха?

– Я Витю своего люблю! Только какое **это** имеет теперь, значение? – со слезами ответила Тася.

– Ты сестренка, моя дорогая, выйди на улицу и поймешь, какое **это** имеет значение! – едва успел договорить он, как она, стремглав, бросилась во двор.

Все поспешили за ней.

Мокрый, весь в пыли и грязи, счастливый Виктор обнимал Таську.

Трифон стоял на крыльце. Курил. Смотрел то ли на них, то ли куда-то вдаль. Думал о вечных вещах, на которых держится жизнь человеческая. О том, что насильно никого осчастливить нельзя. У людей должна быть свобода выбора. Брак – это не тюрьма. Люди должны любить и быть любимыми.

Агафья Емельяновна смотрела на дочь со слезами.

– Ну, надо же, Виктор-то, успел, приехал... Трифон, что

ты наделал?! Увезет он теперь доченьку, золотку мою единственную, в свою Москву!» – произнесла она, расплакалась и ушла внутрь избы.

– Григория Васильевича жалко! Человек хороший, – молвила Пистимея Васильевна, глядя на внучку с женихом.

– Чего его жалеть? Он что, инвалид? – вступил в беседу Трифон Аникеевич, – найдёт себе другую невесту, которая будет его любить... Наоборот, повезло Григорию, что всё кончилось, не начавшись. Мог искалечить жизнь и себе, и Таисии. Всё правильно произошло! Как надо!

– Неудобно всё-таки получилось, с Григорием-то! – растерянно продолжала Пистимея, – Таисии, наверное, нужно повиниться перед ним.

– Не в чем, и не перед кем Таисии виниться, тетка Пистимея, – возразил Трифон, – при мне вся эта история разворачивалась! Тася в первый день сказала ему, что у неё есть жених. Это он развёл... бурную деятельность. Сам влез, куда не звали... Но отношения с ним поправить надо – это да.

Трифон надел кепку, подошёл к мотоциклу и продолжил диалог:

– Андрей Аникеевич останется здесь и утрясёт с Григорием все дела... Он у нас парторг, значит, дипломат. Ему это и по должности положено. Да и глядишь, побоятся местные с парторгом-то драться – представитель власти! Я увезу Виктора с Таисией отсюда, от греха подальше. Сегодня – их день... Матушка моя – Евдокия Васильевна – принимает у нас

дома родителей Виктора. Другая свадьба нас ждёт, настоящая, по любви. Поспешите!..., – сказал Трифон Аникеевич.

Завёл мотоцикл и повёз молодых тем же путем, через пешеходную переправу.

Начался ливень. Он хлестал, растворял горечь расставаний и ожиданий. Всё кончилось, Слава Богу! Дождь – это хорошо! Дождь – это на счастье!

В районном Александровском загсе субботний рабочий день подходил к концу. Трифон обратился к заведующей:

– Зарегистрируй, ради Бога, Татьяна Ерофеевна, брак этих вот молодых! Я свидетелем буду! Иначе они ещё сто лет будут себя испытывать – холостыми ходить, пока не составятся!

Новость, что Трифон Аникеевич привёз из Выдрихи «настоящих» молодожёнов, а похищение невесты обошлось без драки, вмиг облетело всю Александровку. Во дворе дома молодожёнов ожидал пир.

Тосты, звонкие крики «горько» не стихали на свадьбе Виктора и Таисии Звонцовых. Развернулось народное гуляние.

Ближе к ночи присутствие жениха и невесты потеряло актуальность. Разгулявшееся веселье существовало само по себе и не нуждалось в главных героях. Агафья Емельяновна прошептала дочери, что постелила им на сеновале, и жених с невестой сбежали от застолья.

Их встретила повесть, с пьянящим ароматом душистых трав, прогретых теплом уходящего лета.

Два сердца бились в ночи, тела впивались друга в друга с непостижимой жадой и жадностью. Наступало короткое забытие, но тут же сменялось новым жарким отчаянным желанием...

Они не слышали, как в сарае сопел теленок, проснулись куры, пропел петух.

Рассвет. Вставало солнце. Багрянцем покрывался восток. Таинство брака – священный постулат слияния двух душ воедино, божественное превращение мужчины и женщины в одного человека – произошло! Сделан шаг к цели, во имя продолжения жизни вечной!

Наступило первое утро новой жизни.

В оформлении обложки использована авторская работа Полтараниной Дарьи Дмитриевны, @d.poltaranina, ИП Полтаранина